ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГІИ БЕЗСОЗНАТЕЛЬНАГО.

Подъ ред. д-ра Н. КОТИКА.

Вып. II.

С. ФРЕЙДЪ.

Профессоръ Вѣнскаго Университета.

ПСИХОЛОГІЯ СНА.

Книгоиздательство „НАЧАЛО".

МОСКВА—1913.

ВОПРОСЫ

ПСИХОЛОГІИ БЕЗСОЗНАТЕЛЬНАГО

Подъ ред. д-ра Н. КОТИКА.

Вып. II.

С. Фрейдъ

Профессоръ Вѣнскаго Университета.

ПСИХОЛОГІЯ СНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

МОСКВА,

Типографія „ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО", Москва, Газетный пер., д. 9.

1912.

I.

Во времена, которыя мы могли бы назвать преднаучными, люди не затруднялись въ толкованіи сновидѣній. Вспоминая по пробужденіи свой сонъ, они смотрѣли на него какъ на хорошее или дурное предзнаменованіе со стороны высшихъ божественныхъ или демоническихъ силъ. Съ расцвѣтомъ естественно-научнаго мышленія вся эта остроумная миѳологія превратилась въ психологію, и въ настоящее время лишь весьма немногіе изъ образованныхъ людей сомнѣваются въ томъ, что сновидѣніе является продуктомъ психической дѣятельности самого сновидящаго.

Но съ отпаденіемъ миѳологической гипотезы сновидѣніе стало нуждаться въ объясненіи. Условія возникновенія сновидѣній, отношеніе послѣднихъ къ душевной жизни во время бодрствованія, зависимость ихъ отъ внѣшнихъ раздраженій во время сна, многія чуждыя бодрствующему сознанію странности содержанія сна, несовпаденіе между его образами и связанными съ ними аффектами, наконецъ, быстрая смѣна картинъ въ сновидѣніи и способъ ихъ смѣщенія, искаженія и даже вытѣсненія изъ памяти на яву — всѣ эти и другія проблемы сна уже много сотенъ лѣтъ ждутъ удовлетворительнаго рѣшенія. На первомъ планѣ стоитъ вопросъ о значеніи сновидѣнія — вопросъ, имѣющій двоякій

смыслъ: во-первыхъ, дѣло идетъ о выясненіи психическаго значенія сновидѣнія, біологической функціи его и связи его съ другими душевными процессами; во-вторыхъ, желательно знать, возможно ли толковать сновидѣніе и имѣетъ ли каждый элементъ его содержанія какой-нибудь смыслъ, какъ мы привыкли это находить въ другихъ психическихъ актахъ.

Въ оцѣнкѣ сновидѣнія можно замѣтить три направленія. Одно изъ нихъ, которое является какъ-бы отзвукомъ господствовавшей прежде переоцѣнки сна, находитъ себѣ выраженіе у нѣкоторыхъ философовъ, которые кладутъ въ основу сновидѣнія особенное состояніе психики, разсматриваемое ими даже какъ болѣе высокая ступень въ развитіи духа; такъ напр., Шубертъ утверждаетъ, будто сонъ является освобожденіемъ духа отъ гнета внѣшней природы, освобожденіемъ души изъ оковъ чувственнаго міра. Другіе мыслители не идутъ такъ далеко, но твердо держатся того мнѣнія, что сновидѣнія по существу своему проистекаютъ отъ психическихъ возбужденій, обнаруживающихъ наличность тѣхъ душевныхъ силъ, которыя втеченіе дня не могутъ свободно проявляться. (Фантазія во снѣ — Шернеръ, Фолькельтъ). Многіе наблюдатели приписываютъ сонной психикѣ способность къ проявленію усиленной дѣятельности, — по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сферахъ, напр. въ области памяти.

Въ противоположность этому мнѣнію большинство авторовъ-врачей придерживается того взгляда, что сновидѣніе едва ли заслуживаетъ названія психическаго проявленія; по ихъ мнѣнію, возбудителями сновидѣнія являются исключительно раздраженія органовъ чувствъ, либо

приходящія къ спящему извнѣ, либо случайно возникающія въ немъ самомъ; содержаніе сна, слѣд., имѣетъ не больше смысла и значенія, чѣмъ, напримѣръ, звуки, вызываемые десятью пальцами несвѣдущаго въ музыкѣ человѣка, когда они пробѣгають по клавишамъ инструмента. Сновидѣніе, согласно этому воззрѣнію, нужно разсматривать прямо какъ «тѣлесный, во всѣхъ случаяхъ безполезный и во многихъ — болѣзненный процессъ» (Бинцъ). Всѣ особенности сонной психики объясняются безсвязной и вынужденной (вслѣдствіе физіологическихъ раздраженій) работой отдѣльныхъ органовъ или отдѣльныхъ группъ клѣтокъ погруженнаго въ сонъ мозга.

Мало считаясь съ этимъ мнѣніемъ науки и не интересуясь вопросомъ объ источникахъ сновидѣнія, народная масса, повидимому, твердо вѣритъ въ то, что сонъ все-таки имѣетъ смыслъ предзнаменованія, сущность котораго можетъ быть раскрыта посредствомъ какого-либо толкованія. Примѣняемый съ этой цѣлью методъ толкованія заключается въ томъ, что воспоминаемое содержаніе сна замѣняется другимъ содержаніемъ — либо по частямъ на основаніи твердо установленнаго ключа, либо все содержаніе сна цѣликомъ замѣняется какимъ-либо другимъ цѣлымъ, по отношенію къ которому первое является символомъ. Серьезные люди обыкновенно смѣются надъ этими стараніями: «сны — это пѣна морская».

II.

Къ своему великому изумленію я однажды сдѣлалъ открытіе, что ближе къ истинѣ стоитъ не взглядъ врачей, а взглядъ профановъ, наполовину окутанный еще предразсудками. Дѣло въ томъ, что я пришелъ къ новымъ выводамъ относительно сна, послѣ того какъ примѣнилъ къ послѣднему новый методъ психологическаго изслѣдованія, оказавшій уже мнѣ большую услугу при рѣшеніи вопросовъ о разнаго рода боязняхъ, бредовыхъ и навязчивыхъ идеяхъ и проч. Многіе изслѣдователи-врачи справедливо указывали на многообразныя аналогіи между различными проявленіями сонной и больной психики; такъ что мнѣ уже заранѣе представлялось небезполезнымъ примѣнить къ объясненію сновидѣнія тотъ способъ изслѣдованія, который оказалъ услуги при анализѣ психопатическихъ явленій. Навязчивыя идеи и идеи страха такъ же чужды нормальному сознанію, какъ сновидѣнія — бодрствующему: происхожденіе тѣхъ и другихъ для нашего сознанія одинаково непонятно. Что касается психопатическихъ представленій, то выяснять ихъ источникъ и способъ возникновенія побуждалъ насъ практическій интересъ; опытъ показалъ, что выясненіе скрытыхъ отъ сознанія ассоціаціонныхъ путей, связывающихъ болѣзненныя идеи съ остальнымъ содержаніемъ сознанія, даетъ возможность овладѣть навязчивыми идеями и равносильно устраненію ихъ.

Такимъ образомъ, примѣненный мною къ объясненію сновидѣній способъ беретъ свое начало въ психотерапіи;

описать его легко, но пользоваться имъ можно лишь послѣ извѣстнаго навыка. Когда хотятъ примѣнить этотъ способъ къ другому лицу, напр., къ больному, то послѣднему предлагаютъ обыкновенно сосредоточить все вниманіе на своей болѣзненной идеѣ, но не размышлять о ней, какъ онъ это часто дѣлаетъ, а стараться выяснять себѣ и сообщать тотчасъ врачу всѣ безъ исключенія мысли, которыя ему приходятъ въ голову по поводу данной идеи. Если больной станетъ утверждать, что его вниманіе ничего не можетъ уловить, то необходимо энергично заявить, что такого рода отсутствіе круга представленій совершенно невозможно. Дѣйствительно, вскорѣ у больного начинаетъ всплывать рядъ идей, за которыми слѣдуютъ новыя идеи; однако больной, производящій самонаблюденіе, при этомъ обыкновенно заявляетъ, что выплывающія у него идеи не важны, не относятся къ дѣлу и пришли ему въ голову совершенно случайно, безъ всякой связи съ данной задачей.

Уже теперь можно замѣтить, что именно эта критика со стороны больного была причиной того, что данныя идеи не высказывались и даже не сознавались имъ. Поэтому, если удается заставить больного отказаться отъ всякой критики по поводу приходящихъ въ голову мыслей и продолжать отмѣчать мысленные ряды, выплывающіе при напряженномъ вниманіи, то можно получить достаточный психическій матеріалъ, который явно примыкаетъ къ взятой въ качествѣ задачи болѣзненной идеѣ, обнаруживаетъ связь послѣдней съ другими идеями и даетъ возможность при дальнѣйшемъ изслѣдованіи замѣнить болѣзненную идею какой-либо новой, вполнѣ гармонирующей съ остальнымъ содержаніемъ психики. Здѣсь я не могу подробно

останавливаться на лежащихъ въ основѣ этого опыта предпосылкахъ и на выводахъ, которые можно сдѣлать изъ его постоянной удачи; достаточно указать, что всегда можно получить достаточный для разрѣшенія болѣзненной идеи матеріалъ, если обращать вниманіе именно на «нежелаемыя» ассоціаціи, «мѣшающія мышленію» и отстраняемыя обыкновенно самокритикой больного, какъ безполезный хламъ. Когда желаютъ примѣнить этотъ методъ къ самому себѣ, необходимо при изслѣдованіи немедленно записывать всѣ приходящія случайно въ голову и непонятныя сначала мысли.

Теперь посмотримъ, къ какимъ результатамъ приводитъ пользованіе изложеннымъ методомъ при изслѣдованіи сновидѣній. Для этого я возьму свое сновидѣніе, краткое по содержанію и въ воспоминаніи представляющееся мнѣ неяснымъ и безсмысленнымъ; содержаніе его, записанное мною немедленно по пробужденіи, слѣдующее: «Общество за столомъ или табльдотомъ... Ѣдятъ шпинатъ... Г-жа Е. Л. сидитъ рядомъ со мною, вся повернувшись ко мнѣ, и дружески кладетъ руку мнѣ на колѣно. Я, отстраняясь, удаляю ея руку. Тогда она говоритъ: «а у васъ всегда были такіе красивые глаза...» Послѣ этого я неясно различаю какъ-бы два глаза на рисункѣ или какъ-бы контуръ стеклышка отъ очковъ...» Это — все сновидѣніе или, по крайней мѣрѣ, все, что я могу о немъ вспомнить. Оно кажется мнѣ неяснымъ и безсмысленнымъ, а больше всего страннымъ. Г-жа Е. Л. — женщина, съ которой я былъ просто знакомъ и, насколько я сознаю, близкихъ отношеній никогда не желалъ; я уже давно не видѣлъ ее и не думаю, чтобы въ послѣдніе дни о ней шла рѣчь. Сновидѣніе мое

не сопровождалось никакими эмоціями; размышленіе о немъ не дѣлаетъ мнѣ его болѣе понятнымъ.

Теперь я безъ опредѣленнаго намѣренія и безъ всякой критики буду отмѣчать приходящія мнѣ въ голову мысли, выплывающія при самонаблюденіи; для этого полезно разложить сновидѣніе на элементы и отыскивать примыкающія къ каждому изъ нихъ мысли. Общество за столомъ или табльдотомъ.

Съ этимъ связывается воспоминаніе о небольшомъ переживаніи, имѣвшемъ мѣсто вчера вечеромъ. Я ушелъ изъ маленькаго общества въ сопровожденіи друга, который предложилъ взять карету и отвезти меня домой. «Я, — сказалъ онъ — предпочитаю карету съ таксометромъ; это такъ занимательно: всегда имѣешь передъ собой что-то, на что можно глядѣть». Когда мы сѣли въ карету, и кучеръ устанавливалъ таксометръ, такъ что стали видны первые шестьдесятъ геллеровъ, я продолжилъ его шутку: «мы только сѣли и уже должны ему шестьдесятъ геллеровъ». Карета съ таксометромъ напоминаетъ мнѣ всегда табльдотъ; она дѣлаетъ меня скупымъ и эгоистичнымъ, ибо непрестанно говоритъ о моемъ долгѣ: мнѣ все кажется, что долгъ слишкомъ быстро растетъ, и я опасаюсь, какъ бы мнѣ не хватило денегъ, подобно тому какъ за табльдотомъ я не могу отдѣлаться отъ смѣшного опасенія, будто я получу слишкомъ мало, если не буду заботиться о себѣ. Въ отдаленной связи съ этимъ я продекламировалъ: «Вы сами жизнь даете намъ; бѣднаго вы дѣлаете должникомъ».

Другая возникшая у меня мысль по поводу табльдота: нѣсколько недѣль тому назадъ за столомъ въ ресторанѣ одного тирольскаго горнаго курорта я сердился на свою

жену за то, что она по моему мнѣнію была не достаточно оффиціальна съ нѣкоторыми сосѣдями, съ которыми я не хотѣлъ имѣть ничего общаго. Я просилъ ее интересоваться больше мною, чѣмъ посторонними. Это — все равно, какъ будто мнѣ за табльдотомъ не хватитъ.—Теперь мнѣ приходитъ въ голову противуположность между поведеніемъ моей жены за столомъ и поведеніемъ въ моемъ сновидѣніи г-жи Е. Л., которая вся повернулась ко мнѣ. — Далѣе: я замѣчаю, что сновидѣніе является воспроизведеніемъ небольшой сцены, происшедшей между мной и моей женой еще до женитьбы, во время моего ухаживанія за ней. Нѣжное пожатіе руки подъ скатертью послужило отвѣтомъ на мое письмо съ серьезнымъ предложеніемъ. Но въ сновидѣніи жена моя замѣщена чуждою мнѣ г-жою Е. Л.; это — дочь одного господина, которому я былъ долженъ.

Не могу при этомъ не замѣтить, что здѣсь обнаруживается неожиданная связь между отрывками сновидѣнія и приходящими мнѣ въ голову мыслями. Если слѣдовать за цѣпью ассоціацій, которыя вытекаютъ изъ какого-либо элемента содержанія сна, то можно скоро придти къ другому элементу этого же содержанія.. Мысли, приходящія въ голову по поводу сновидѣнія, возстанавливаютъ тѣ связи, которыя въ самомъ сновидѣніи не видны.

Когда кто-либо полагаетъ, что другіе станутъ заботиться о немъ безъ всякой пользы для себя, развѣ не предлагаютъ обыкновенно такому простаку ироническій вопросъ: «что же, вы думаете, что то или иное дѣлается ради вашихъ прекрасныхъ глазъ?» Съ этой точки зрѣнія слова г-жи Е. Л. въ сновидѣніи — «у васъ всегда были

такіе прекрасные глаза» — означаютъ не что иное, какъ— «люди вамъ всегда оказывали услуги; вы все даромъ получали». Конечно, въ дѣйствительности всегда было наоборотъ: за все то хорошее, что мнѣ дѣлали другіе, я платилъ дорого; но, повидимому, на меня все-таки произвело впечатлѣніе то обстоятельство, что мнѣ вчера даромъ досталась карета, въ которой мой другъ отвезъ меня домой; кромѣ этого, пріятель, у котораго мы вчера были въ гостяхъ, часто заставлялъ меня оставаться передъ нимъ въ долгу; лишь недавно я не воспользовался случаемъ отплатить ему. Между прочимъ у него имѣется единственный подарокъ отъ меня — античная чаша съ нарисованными по краямъ ея глазами. Кстати, пріятель этотъ — глазной врачъ; въ этотъ же вечеръ я спрашивалъ его о паціенткѣ, которую направилъ къ нему для подбора очковъ.

Я замѣчаю, что почти всѣ отрывки сновидѣнія приведены въ новую связь. Однако, вполнѣ естественно было бы спросить, почему въ сновидѣніи на столѣ фигурируетъ именно шпинатъ? Дѣло въ томъ, что шпинатъ напоминаетъ мнѣ маленькую сцену, происшедшую недавно за нашимъ семейнымъ столомъ, когда мой ребенокъ — какъ разъ тотъ, у котораго, дѣйствительно, красивые глаза — отказывался ѣсть шпинатъ. Въ дѣтствѣ я точно также велъ себя: шпинатъ долгое время былъ мнѣ противенъ, пока мой вкусъ не измѣнился, и зелень эта сдѣлалась моимъ любимымъ блюдомъ; воспоминаніе о послѣднемъ сближаетъ, слѣдовательно, мои вкусы въ дѣтствѣ съ вкусами моего ребенка.

«Будь доволенъ, что ты имѣешь шпинатъ — сказала мать маленькому гастроному — есть дѣти, которыя были бы очень

рады и этому кушанью». Это теченіе мыслей напоминаетъ мнѣ объ обязанностяхъ родителей по отношенію къ дѣтямъ, и въ этой связи слова Гете: «Вы сами жизнь намъ даете; бѣднаго вы дѣлаете должникомъ» пріобрѣтаютъ новый смыслъ.

Здѣсь я остановлюсь, чтобы разсмотрѣть полученные до сихъ поръ результаты анализа сновидѣнія. Слѣдуя за ассоціаціями, выплывающими непосредственно за отдѣльными вырванными изъ общей связи элементами сновидѣнія, я пришелъ къ ряду мыслей и воспоминаній, которыя обнаруживаютъ цѣнныя переживанія моей душевной жизни. Этотъ добытый посредствомъ анализа сновидѣнія матеріалъ находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ сна, но связь эта все-таки такова, что я никогда не могъ бы получить этотъ новый матеріалъ изъ самого содержанія сна. Сонъ не сопровождался никакими эмоціями, былъ безсвязенъ и непонятенъ; однако, когда всплываютъ скрытыя въ сновидѣніи мысли, я испытываю сильныя и вполнѣ обоснованныя эмоціи.

Мысли сами соединяются въ логически-связанные ряды, въ центрѣ которыхъ повторно появляются нѣкоторыя представленія; въ нашемъ примѣрѣ такими не выступающими въ самомъ снѣ представленіями являются: противуположеніе между своекорыстнымъ и безкорыстнымъ и между — быть должнымъ и дѣлать даромъ. Въ этой полученной изъ анализа ткани я могъ бы крѣпче стянуть нити и показать, что послѣднія сходятся въ одномъ общемъ узлѣ; но соображенія не научнаго, а частнаго характера не позволяютъ мнѣ произвести эту работу публично: дѣло въ томъ, что я вынужденъ былъ

бы тогда сообщить многое изъ того, что должно остаться моей тайной, такъ какъ при анализѣ своего сновидѣнія я уяснилъ себѣ такіе факты, въ которыхъ неохотно признаюсь самому себѣ.

Но почему въ такомъ случаѣ я не изберу для анализа другой сонъ, чтобы анализъ его могъ скорѣе убѣдить въ точности смысла и правильности связи полученнаго изъ него матеріала? На это можно отвѣтить, что каждый сонъ, которымъ я займусь, неизбѣжно приведетъ меня къ тѣмъ же неохотно сообщаемымъ фактамъ и побудитъ къ такому же умалчиванію. Этого затрудненія я не избѣжалъ бы также и въ томъ случаѣ, если бы сталъ анализировать сновидѣніе другого лица; развѣ только обстоятельства позволили-бы отбросить всякія умалчиванія безъ вреда для довѣряющагося мнѣ лица.

Уже теперь приходитъ въ голову идея, что сновидѣніе является какъ бы замѣной того богатаго чувствами и содержаніемъ хода мыслей, къ которому мы пришли послѣ анализа. Я еще не знаю процесса, путемъ котораго изъ этихъ мыслей возникло данное сновидѣніе, но я вижу, что неправильно разсматривать это сновидѣніе, какъ чисто-тѣлесное, психически лишенное всякаго значенія явленіе, возникшее будто бы благодаря изолированной дѣятельности отдѣльныхъ группъ клѣтокъ спящаго мозга. Кромѣ того, я замѣчаю еще двѣ вещи: во-первыхъ, содержаніе сна гораздо короче тѣхъ мыслей, замѣной которыхъ я его считаю, и во-вторыхъ, анализъ обнаружилъ въ качествѣ возбудителя сновидѣнія ничтожный случай, имѣвшій мѣсто наканунѣ вечеромъ.

Я, конечно, не сталъ бы дѣлать такъ далеко ведущихъ

выводовъ, если бы въ моемъ распоряженіи былъ анализъ только одного сновидѣнія; но опытъ показалъ мнѣ, что, слѣдуя безъ критики за ассоціаціями, я при анализѣ любого сновидѣнія прихожу къ такому же ряду мыслей, связанныхъ между собою по смыслу и содержащихъ въ качествѣ элемента лишь часть сновидѣнія. Вотъ почему не слѣдуетъ думать, что обнаруженная при первомъ анализѣ связь можетъ оказаться случайнымъ совпаденіемъ.

Теперь я считаю себя въ правѣ фиксировать свою новую точку зрѣнія въ опредѣленныхъ терминахъ. Сновидѣніе, какъ оно вспоминается мнѣ, я противопоставляю полученному при анализѣ матеріалу и называю первое (т.-е. сновидѣніе) явнымъ содержаніемъ сна, а второй (т.-е. матеріалъ) — пока безъ дальнѣйшаго разграниченія — скрытымъ содержаніемъ сна. Теперь намъ предстоитъ разрѣшить двѣ новыя задачи: 1) каковъ тотъ психическій процессъ, который превратилъ скрытое содержаніе сна въ явное, знакомое мнѣ по оставленному въ памяти слѣду и 2) каковъ тотъ или тѣ мотивы, которые вызвали такое превращеніе? Процессъ переработки скрытаго содержанія сна въ явное я буду называть работой сна; противуположная этому работа, ведущая къ обратному превращенію, знакома уже намъ, какъ работа анализа. Остальныя проблемы сна — вопросъ о возбудителяхъ сновидѣній, о происхожденіи ихъ матеріала, о смыслѣ и функціи сновидѣній, о причинахъ забыванія послѣднихъ — все это я разберу при анализѣ не явнаго, а вновь добытаго скрытаго содержанія сна.

Такъ какъ всѣ встрѣчающіеся въ литературѣ противорѣчивые и неправильные взгляды на сонную психику можно

объяснить незнакомствомъ авторовъ съ скрытымъ содержаніемъ сна, которое можетъ быть добыто только путемъ анализа, то я впредь самымъ старательнымъ образомъ буду избѣгать смѣшенія явнаго сновидѣнія со скрытыми въ немъ мыслями.

III.

Превращеніе скрытыхъ въ сновидѣніи мыслей въ явное содержаніе сна заслуживаетъ нашего полнаго вниманія, какъ первый примѣръ перехода одного способа выраженія психическаго матеріала въ другой: изъ способа выраженія, понятнаго намъ безъ всякихъ объясненій, въ такой способъ, который становится понятнымъ лишь съ трудомъ и при наличности опредѣленныхъ указаній.

Принимая во вниманіе отношеніе скрытаго содержанія сна къ явному, можно раздѣлить сновидѣнія на три категоріи. Во-первыхъ, мы различаемъ сновидѣнія вполнѣ осмысленныя, понятныя, т. е. допускающія безъ дальнѣйшихъ затрудненій объясненіе ихъ съ точки зрѣнія нашей нормальной душевной жизни. Такихъ сновидѣній много; они по большей части кратки и въ общемъ кажутся намъ незаслуживающими особаго вниманія, такъ какъ въ нихъ отсутствуетъ все то, что могло бы возбудить наше удивленіе и показаться намъ страннымъ. Между прочимъ существованіе такихъ сновидѣній является сильнымъ аргументомъ противъ ученія, которое объясняетъ возникновеніе сновидѣній изолированной дѣятельностью отдѣльныхъ группъ

мозговыхъ клѣтокъ: въ этихъ сновидѣніяхъ мы не находимъ никакихъ признаковъ пониженной или разстроенной психической дѣятельности; тѣмъ не менѣе мы никогда не сомнѣваемся въ томъ, что имѣемъ дѣло съ сновидѣніями и не смѣшиваемъ ихъ съ продуктами бодрствующаго сознанія.

Другую группу образуютъ сновидѣнія, которыя, будучи связными и ясными по смыслу, все-таки кажутся намъ странными, потому что мы не можемъ связать ихъ смыслъ съ нашей душевной жизнью. Съ такимъ случаемъ мы имѣемъ дѣло, когда намъ, напр., снится, будто какой-то близкій родственникъ умеръ отъ чумы, между тѣмъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній ожидать, опасаться или предполагать это; мы тогда спрашиваемъ себя съ удивленіемъ, откуда пришла намъ въ голову такая идея?

Наконецъ, къ третьей группѣ относятся сновидѣнія, лишенныя смысла и непонятныя, т. е. представляющіяся намъ безсвязными, спутанными и безсмысленными. Подавляющее большинство продуктовъ нашего сна обнаруживаетъ такой именно характеръ, которымъ объясняются и презрительное отношеніе къ сновидѣніямъ и врачебная теорія о суженіи душевной дѣятельности во снѣ; тѣмъ болѣе, что въ длинныхъ и сложныхъ построеніяхъ сонной психики всегда усматриваются ясные признаки безсвязности. Противуположеніе между явнымъ и скрытымъ содержаніемъ сна, очевидно, имѣетъ значеніе только для сновидѣній второй и еще болѣе третьей категоріи; здѣсь мы встрѣчаемся съ загадками, которыя исчезаютъ лишь послѣ замѣны явнаго сновидѣнія скрытыми въ немъ мыслями, и потому для при-

веденнаго выше анализа мы избрали въ качествѣ примѣра такое именно спутанное и непонятное сновидѣніе.

Однако, противъ всякаго ожиданія мы столкнулись съ мотивами, которые помѣшали намъ вполнѣ ознакомиться съ скрытыми въ сновидѣніи мыслями; вслѣдствіе же повторенія подобныхъ случаевъ и при другихъ анализахъ мы пришли къ предположенію, что между непонятнымъ и спутаннымъ характеромъ сновидѣнія съ одной стороны и затрудненіями при сообщеніи скрытыхъ въ сновидѣніи мыслей съ другой имѣется какая то интимная и закономѣрная связь. Прежде чѣмъ изслѣдовать природу этой связи, полезно будетъ ознакомиться съ болѣе понятными сновидѣніями первой категоріи, въ которыхъ явное и скрытое содержаніе сна совпадаютъ, т. е. которыя обходятся безъ работы сна.

Изслѣдованіе этихъ сновидѣній полезно еще съ другой точки зрѣнія. Сновидѣнія дѣтей всегда имѣютъ такой именно характеръ, т. е. осмысленный и нестранный; между прочимъ, это обстоятельство является новымъ доводомъ противъ объясненія сновидѣнія разстроенной дѣятельностью мозга во время сна, ибо — почему у взрослаго такое пониженіе психическихъ функцій нужно считать характернымъ для сонного состоянія, а у ребенка не нужно? И мы вправѣ ожидать, что выясненіе психическихъ процессовъ у ребенка, у котораго они значительно упрощены, окажется необходимой предварительной работой для ознакомленія съ психологіей взрослаго. Итакъ, я приведу нѣсколько сновидѣній дѣтей.

Дѣвочку девятнадцати мѣсяцевъ отъ роду цѣлый день держать на діэтѣ, такъ какъ ее утромъ рвало и, по словамъ няни, она повредила себѣ земляникой. Ночью послѣ

этого голоднаго дня няня слышала, какъ дѣвочка во снѣ называла свое имя и при этомъ прибавляла: «земляника, яичко, кашу». Ей, слѣдовательно, снится, будто она ѣстъ, и изъ своего меню она указываетъ какъ разъ на то, что въ ближайшемъ будущемъ, по ея мнѣнію, ей мало будутъ давать. Подобнымъ же образомъ 22-хъ мѣсячному мальчику, который за день передъ тѣмъ подарилъ своему дядѣ корзинку свѣжихъ вишенъ, отвѣдавъ изъ нихъ, конечно, только нѣсколько штукъ, снится запрещенный плодъ; онъ пробуждается съ радостнымъ извѣстіемъ: «Германъ (т.-е. онъ) съѣлъ всѣ вишни». Трехлѣтняя дѣвочка совершила днемъ по озеру прогулку, которая показалась ей недостаточно продолжительной, и дѣвочка при высаживаніи плакала. На другое утро она разсказала, что каталась ночью по озеру, т.-е. продолжила прерванную прогулку. Пятилѣтній мальчикъ остался недоволенъ прогулкой пѣшкомъ въ окрестности горы Дахштейна; какъ только показывалась новая гора, онъ освѣдомлялся, не Дахштейнъ-ли это, и затѣмъ отказывался продолжать путь къ водопаду. Его поведеніе приписывали усталости, но оно нашло лучшее объясненіе, когда мальчикъ на слѣдующее утро сообщилъ свой сонъ, будто онъ поднялся на гору Дахштейнъ. Очевидно, онъ полагалъ, что прогулка имѣетъ цѣлью подъемъ на Дахштейнъ, и потому былъ огорченъ, когда ему не удалось увидѣть желанную гору. Во снѣ онъ получилъ то, чего ему не далъ день. Подобный же сонъ видѣла шестилѣтняя дѣвочка, отецъ которой прервалъ прогулку съ нею, не дойдя до намѣченной цѣли въ виду поздняго времени. На обратномъ пути она обратила вниманіе на путевой столбъ, указывавшій дорогу къ другому мѣсту прогулокъ, и отецъ пообѣщалъ по-

вести ее туда въ другой разъ. На слѣдующее утро она встрѣтила отца съ извѣстіемъ о томъ, что ей снилось, будто она была съ отцомъ въ томъ и другомъ мѣстѣ.

Во всѣхъ этихъ дѣтскихъ сновидѣніяхъ бросается въ глаза одна общая черта: всѣ они исполняютъ желанія, которыя днемъ зародились и остались неудовлетворенными; эти сновидѣнія являются простыми и незамаскированными исполненіями желаній. Не чѣмъ инымъ, какъ исполненіемъ желанія, является и слѣдующій, на первый взглядъ не совсѣмъ понятный дѣтскій сонъ. Дѣвочка, около четырехъ лѣтъ отъ роду, заболѣвшая дѣтскимъ параличемъ, была привезена изъ деревни въ городъ; здѣсь она переночевала у тетки въ большой — для нея, конечно, черезчуръ большой — кровати. На слѣдующее утро она разсказала свой сонъ, будто кровать была ей слишкомъ мала, такъ что ей не хватало мѣста. Это сновидѣніе легко объяснить съ точки зрѣнія исполненія желаній, если вспомнить, что дѣти часто выражаютъ желаніе «быть большимъ». Величина кровати слишкомъ подчеркивала маленькой гостьѣ ея собственную величину; поэтому она во снѣ исправила непріятный ей контрастъ и сдѣлалась такой большой, что большая кровать оказалась для нея слишкомъ маленькой.

Если даже содержаніе дѣтскихъ сновидѣній усложняется и утончается, все-таки въ нихъ легко увидѣть исполненіе желаній. Восьмилѣтнему мальчику снилось, будто онъ съ Ахиллесомъ ѣхалъ на колесницѣ, которою правилъ Діомедъ. Какъ оказалось, онъ за день передъ тѣмъ увлекся чтеніемъ сказаній о греческихъ герояхъ: легко доказать, что

онъ взялъ этихъ героевъ за образецъ, и сожалѣлъ, что не жилъ въ ихъ время.

Изъ этого небольшого числа сновидѣчій выясняется второе характерное свойство дѣтскихъ сновидѣній: ихъ связь съ жизнью втеченіе дня. Исполняемыя въ сновидѣніяхъ желанія оставались отъ предыдущаго дня, причемъ наяву они сопровождались интенсивными эмоціями. Несущественное и безразличное или то, что кажется таковымъ ребенку, не находитъ себѣ мѣста въ сновидѣніи.

Среди взрослыхъ можно также собрать много примѣровъ подобныхъ сновидѣній дѣтскаго типа, но они, какъ мы упоминали, большей частью кратки. Такъ напримѣръ, многимъ лицамъ при жаждѣ ночью снится, будто они пьютъ; здѣсь сновидѣніе стремится устранить раздраженіе и продлить сонъ .У другихъ бываютъ часто такія удобныя сновидѣнія передъ пробужденіемъ, когда приближается время вставать; имъ тогда снится, что они уже встали, находятся около умывальника или уже въ училищѣ, конторѣ и прочее, гдѣ они должны быть въ опредѣленное время. Въ ночь передъ поѣздкой куда-либо нерѣдко снится будто мы уже пріѣхали къ мѣсту назначенія; передъ поѣздкой въ театръ или въ общество сновидѣніе нерѣдко предвосхищаетъ— какъ бы вслѣдствіе нетерпѣнія — ожидаемое удовольствіе. Въ другихъ случаяхъ сновидѣнія выражаютъ исполненіе желаній не въ столь прямой формѣ; тогда, чтобы распознать скрытое желаніе, необходимо установить какую-нибудь связь или сдѣлать какой-нибудь выводъ, т. е. необходимо начать работу толкованія. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ, когда мужъ сообщаетъ мнѣ сновидѣніе его молодой жены, будто у нея наступили менструаціи, надо не упускать изъ

виду, что каждая молодая женщина при прекращеніи менструацій опасается беременности. Въ виду этого приведенное сновидѣніе является признакомъ беременности, и смыслъ его таковъ, что онъ указываетъ на желаніе не забеременѣть. Весьма нерѣдко изъ длиннаго, сложнаго и въ общемъ спутаннаго сновидѣнія выдѣляется особенно ясно одинъ отрывокъ, въ которомъ легко можно узнать исполненіе желанія, но который въ то-же время спаянъ съ другимъ непонятнымъ матеріаломъ.

При попыткѣ анализировать самыя, повидимому, прозрачныя сновидѣнія взрослыхъ приходится часто съ удивленіемъ констатировать, что они рѣдко бываютъ такими простыми, какъ дѣтскіе сны, и что за исполненіемъ желанія въ нихъ кроется еще другой смыслъ. Рѣшеніе загадокъ сновидѣній было-бы, конечно, простымъ и удовлетворительнымъ, если-бы работа анализа давала намъ возможность сводить также безсмысленныя и спутанныя сновидѣнія взрослыхъ къ дѣтскому типу исполненія какого-либо интенсивно ощущаемаго желанія дня. Внѣшніе признаки, конечно, не указываютъ на подобную возможность: сновидѣнія взрослыхъ большею частью наполнены самымъ безразличнымъ и постороннимъ матеріаломъ, который отнюдь не указываетъ на исполненіе желаній.

Прежде чѣмъ разстаться съ дѣтскими сновидѣніями— этими незамаскированными исполненіями желаній — намъ хотѣлось бы указать еще на одно давно замѣченное главное, характерное свойство сновидѣнія, которое именно въ этой группѣ обнаруживается въ самомъ чистомъ видѣ. Дѣло въ томъ, что каждое изъ этихъ сновидѣній можно замѣнить однимъ пожеланіемъ: «ахъ, если бы прогулка по озеру

еще продлилась», — «если бы я былъ уже умытъ и одѣтъ», — «мнѣ бы слѣдовало спрятать вишни вмѣсто того, чтобы давать ихъ дядѣ». Но сновидѣніе содержитъ въ себѣ больше, чѣмъ одно пожеланіе: послѣднее является во снѣ уже исполненнымъ, при чемъ это исполненіе представляется какъ-бы реальнымъ и совершающимся на глазахъ; матеріалъ сновидѣнія состоитъ преимущественно, хотя и не исключительно, изъ ситуацій и зрительныхъ образовъ. Такимъ образомъ въ этой группѣ можно обнаружить частичную переработку, которую слѣдуетъ считать работой сонной психики: мысль, выражающая пожеланіе въ будущемъ, замѣнена картиной, протекающей въ настоящемъ.

IV.

Мы склонны допускать, что и въ спутанныхъ сновидѣніяхъ имѣетъ мѣсто подобное превращеніе въ ситуацію, хотя и нельзя знать, содержатся ли въ нихъ пожеланія. Сообщенный въ началѣ примѣръ сновидѣнія, въ анализъ котораго мы нѣсколько углубились, даетъ намъ — по крайней мѣрѣ въ двухъ случаяхъ — поводъ предполагать нѣчто подобное. При анализѣ я встрѣчаюсь съ тѣмъ фактомъ, что жена моя за столомъ интересуется другими, причиняя мнѣ этимъ непріятность; въ сновидѣніи же содержится прямо противуположная картина: женщина, замѣняющая мою жену, вся поворачивается ко мнѣ. Не даетъ-ли непріятное

переживаніе лучшій поводъ къ проявленію желанія, чтобы дѣло обстояло наоборотъ? Это и происходитъ во снѣ. Въ такой же связи находится нпріятная при анализѣ мысль, что мнѣ ничего не доставалось даромъ, со словами женщины въ сновидѣніи: «у васъ вѣдь всегда были такіе красивые глаза». Такимъ образомъ, противорѣчія между явнымъ и скрытымъ содержаніемъ сна могутъ быть частью сведены къ исполненію желаній.

Гораздо болѣе бросается въ глаза другой результатъ работы сна, который ведетъ къ возникновенію безсвязныхъ сновидѣній. Если сравнить на любомъ примѣрѣ количество образовъ въ сновидѣніи съ числомъ скрытыхъ въ послѣднемъ мыслей, добытыхъ путемъ анализа и лишь едва обнаруживающихся въ самомъ сновидѣніи, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что работа сна производитъ прекрасную концентрацію или сгущеніе. Въ началѣ трудно составить себѣ представленіе о размѣрѣ этого сгущенія, но оно производитъ тѣмъ больше впечатлѣнія, чѣмъ глубже удается проникнуть въ анализъ сна. Тогда нельзя найти ни одного элемента сновидѣнія, отъ котораго бы ассоціаціонныя нити не расходились по тремъ или болѣе направленіямъ, —ни одной ситуаціи, которая бы не была составлена изъ трехъ или болѣе впечатлѣній и переживаній.

Такъ, напримѣръ, мнѣ приснилось однажды нѣчто въ родѣ бассейна, въ которомъ по всѣмъ направленіямъ плавали купающіеся; въ одномъ мѣстѣ, на краю бассейна стоялъ человѣкъ, наклонившись къ одному купающемуся, какъ бы съ намѣреніемъ вытащить его. Ситуація была составлена изъ воспоминанія объ одномъ переживаніи въ періодъ возмужалости и изъ двухъ картинъ, одну изъ ко-

торыхъ я видѣлъ незадолго передъ сновидѣніемъ. Картины эти изображали «Испугъ въ купальнѣ» изъ швиндовскаго цикла Мелузины (см. разбѣгающихся купальщицъ) и «Проточныя воды» какого то итальянскаго художника; маленькое же переживаніе заключалось въ томъ, что мнѣ пришлось однажды увидѣть, какъ учитель плаванія въ купальнѣ помогалъ выйти изъ воды одной дамѣ, которая замѣшкалась до наступленія назначеннаго для мужчинъ времени.

Ситуація въ избранномъ для анализа примѣрѣ вызываетъ у меня при анализѣ небольшой рядъ воспоминаній, каждое изъ которыхъ внесло кое-что въ содержаніе сновидѣнія. Прежде всего это — маленькая сценка изъ періода моего ухаживанія, о которой я уже говорилъ; имѣвшее тогда мѣсто рукопожатіе подъ столомъ внесло въ сновидѣніе подробность «подъ столомъ», о которой я вспомнилъ позднѣе. О «поворачиваніи» ко мнѣ тогда, конечно, не было рѣчи; но изъ анализа я знаю, что этотъ элементъ является исполненіемъ желанія въ силу контраста и относится къ поведенію моей жены за табльдотомъ. За этимъ недавнимъ воспоминаніемъ скрывается подобная же, но болѣе важная сцена послѣ нашей помолвки, которая привела даже къ ссорѣ на цѣлый день. Довѣрчивость и опусканіе руки на колѣно относится къ совсѣмъ иной связи воспоминаній и къ совершенно другимъ лицамъ; этотъ элементъ сновидѣнія становится въ свою очередь исходнымъ пунктомъ двухъ новыхъ отдѣльныхъ рядовъ воспоминаній и т. д.

Скрытыя въ сновидѣніи мысли, соединяющіяся для образованія ситуаціи во снѣ, должны, конечно, заранѣе быть годными для этой цѣли: во всѣхъ составныхъ частяхъ должны быть на лицо одинъ или нѣсколько общихъ элемен-

товъ. Сонъ производитъ такую же работу, какъ Францисъ Гальтонъ при производствѣ своихъ фамильныхъ фотографій: сонъ какъ-бы накладываетъ другъ на друга различныя составныя части; поэтому въ общей картинѣ на первый планъ отчетливо выступаютъ общіе элементы, а противуположныя подробности почти взаимно уничтожаются. Такой процессъ происхожденія сна объясняетъ отчасти также и своеобразную спутанность многочисленныхъ элементовъ сновидѣнія. Исходя изъ этого, необходимо при толкованіи сновидѣній придерживаться слѣдующаго правила: если при анализѣ можно какую-нибудь неопредѣленность разрѣшить какимъ-либо «или-или», то при толкованіи нужно замѣнить эту альтернативу посредствомъ «и», сдѣлавъ каждый членъ ея исходнымъ пунктомъ для независимаго ряда вновь всплывающихъ мыслей.

Если между скрытыми въ сновидѣніи мыслями нѣтъ общихъ частей, то работа сна стремится создать ихъ, чтобы сдѣлать возможнымъ общее изложеніе. Лучшій способъ сблизить двѣ скрытыя мысли, не имѣющія ничего общаго, заключается въ измѣненіи словеснаго выраженія одной изъ нихъ, соотвѣтственно которому измѣняется и выраженіе другой мысли. Это такой же процессъ, какъ и стихосложеніе, при которомъ созвучіе замѣняетъ искомую общую часть. Большая часть работы сна заключается въ созданіи подобныхъ — часто очень остроумныхъ, но часто также и натянутыхъ—промежуточныхъ мыслей; послѣднія, исходя изъ общей картины сновидѣнія, простираются до скрытыхъ въ сновидѣніи мыслей, которыя бываютъ различны по формѣ и содержанію и выплываютъ лишь при анализѣ сновидѣнія.

Точно также и при анализѣ взятаго нами сновидѣнія мы

встрѣчаемся съ подобнымъ случаемъ внѣшняго измѣненія мысли для согласованія ея съ другою по существу чуждой ей мыслью. Такъ, при продолженіи анализа я наталкиваюсь па слѣдующую мысль: я хотѣлъ бы разокъ также получить что-нибудь даромъ. Но эта форма не пригодна для общаго содержанія сна и потому замѣняется другой формой: я хотѣлъ бы попробовать что-нибудь безъ расходовъ (kosten). Послѣднее слово вторымъ своимъ значеніемъ на нѣмецкомъ языкѣ (отвѣдывать) годится уже для круга идей при табльдотѣ и можетъ быть примѣнено къ фигурирующему въ сновидѣніи шпинату. Когда подаютъ на столъ какое-нибудь блюдо, отъ котораго дѣти отказываются, то мать пытается, конечно, сначала ласково уговорить дѣтей: отвѣдайте хоть немного. Конечно, намъ можетъ показаться страннымъ, что сонная психика такъ ловко пользуется двойнымъ смысломъ словъ; но опытъ показалъ, что это — самое обыкновенное явленіе.

Сгущеніемъ образовъ во снѣ объясняется появленіе нѣкоторыхъ элементовъ, свойственныхъ только сонной психикѣ и не находимыхъ въ нашемъ сознаніи на-яву. Таковы — сборныя и смѣшанныя лица и странные смѣшанные образы, которые можно сравнить съ созданными народной фантазіей на востокѣ сложными животными; послѣднія, однако, имѣютъ въ нашемъ представленіи опредѣленную застывшую форму, между тѣмъ какъ сонная психика постоянно создаетъ новые сложные образы въ неисчерпаемомъ богатствѣ. Каждый знакомъ съ такими созданіями по своимъ собственнымъ сновидѣніямъ. Опособы ихъ образованія весьма различны. Я могу создать сложный образъ лица, либо надѣляя его чертами двухъ разныхъ

лицъ, либо давая ему обликъ одного, а имя другого, либо представляя себѣ одно лицо и ставя его въ положеніе, въ которомъ находилось другое.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ соединеніе различныхъ лицъ въ одного представителя ихъ въ сновидѣніи вполнѣ осмысленно: оно имѣетъ въ виду сопоставленіе оригиналовъ съ извѣстной точки зрѣнія, которая можетъ быть упомянута и въ самомъ сновидѣніи. Но обыкновенно только путемъ анализа можно отыскать эти общія черты спаянныхъ въ одно лицъ, а образованіе такихъ лицъ во снѣ лишь намекаетъ на эти общія черты.

Такимъ же многообразнымъ путемъ и по тѣмъ-же причинамъ возникаютъ неизмѣримо богатыя по содержанію смѣшанныя созданія сна, примѣровъ которыхъ я не стану приводить. Они перестанутъ казаться странными, если не сопоставлять ихъ съ объектами воспріятій наяву, а имѣть въ виду, что они представляютъ собой результатъ сгущенія образовъ во снѣ и выдѣляютъ въ сокращенномъ видѣ общія черты скомбинированныхъ такихъ образомъ объектовъ. Но эти общія черты и въ данномъ случаѣ выясняются большей частью только путемъ анализа; сонъ какъ бы говоритъ: всѣ эти явленія имѣютъ какой-то общій x.

Разложеніе этихъ смѣшанныхъ созданій путемъ анализа часто ведетъ кратчайшимъ путемъ къ истолкованію сновидѣнія. Такъ мнѣ снилось однажды, что я сижу на одной скамьѣ съ однимъ изъ своихъ прежнихъ университетскихъ учителей, причемъ скамья эта начинаетъ быстро двигаться среди другихъ скамей. Эта картина является комбинаціей аудиторіи съ Trottoir roulant; дальше я не стану пока слѣдить за этой мыслью. Въ другой разъ во снѣ я

сижу въ вагонѣ и держу на колѣняхъ какой-то предметъ, имѣющій форму шляпы-цилиндра и сдѣланный изъ прозрачнаго стекла. По поводу этой картины мнѣ тотчасъ приходитъ въ голову пословица: со шляпой въ рукѣ можно пройти по всей странѣ. Стеклянный цилиндръ напоминаетъ косвенно ауэровскую сѣтку, и я тотчасъ узнаю, что хотѣлъ бы изобрѣсти что-нибудь, что помогло бы мнѣ сдѣлаться такимъ же богатымъ и независимымъ, какъ мой землякъ д-ръ Ауэръ изъ Вельсбаха: тогда я могъ бы путешествовать вмѣсто того, чтобы сидѣть въ Вѣнѣ. Въ сновидѣніи я путешествую со своимъ изобрѣтеніемъ, стеклянной шляпой-цилиндромъ, которая, впрочемъ, еще не вошла въ употребленіе.

Особенно охотно работа сна соединяетъ въ одномъ смѣшанномъ образованіи два противорѣчащихъ другъ другу представленія. Такъ, напримѣръ, одна женщина во снѣ видитъ у себя въ рукахъ высокій цвѣточный стебель, какъ у Ангела на картинахъ Благовѣщенія Дѣвы Маріи (ее называютъ— Непорочная Дѣва Марія); но стебель покрытъ большими бѣлыми цвѣтами, похожими на камеліи (противуположность непорочности — дама въ камеліяхъ).

Большую часть того, что мы узнали относительно происхожденія образовъ во снѣ, можно выразить въ слѣдующей формулѣ: каждый элементъ сновидѣнія въ избыткѣ опредѣляется скрытыми въ сновидѣніи мыслями и обязанъ своимъ происхожденіемъ не одному элементу этихъ мыслей, а цѣлому ряду ихъ; однако послѣднія не тѣсно связаны между собою, а относятся къ различнѣйшимъ отдѣламъ сплетенія скрытыхъ мыслей. Въ содержаніи сна каждый элементъ является по существу выраженіемъ всего этого неодинаковаго матеріала. Помимо того, анализъ вскры-

ваетъ еще и другую сторону сложнаго соотношенія между содержаніемъ сна и скрытыми въ немъ мыслями: подобно тому, какъ отъ каждаго элемента сна идутъ нити ко многимъ скрытымъ мыслямъ, такъ и каждая скрытая въ сновидѣніи мысль выражается обыкновенно не однимъ, а нѣсколькими элементами сна; ассоціаціонныя нити не идутъ просто отъ скрытыхъ мыслей къ содержанію сна, а многократно скрещиваются и переплетаются.

На ряду съ превращеніемъ мыслей въ ситуацію («драматизаціей») наиболѣе важнымъ и своеобразнымъ признакомъ работы сна является сгущеніе образовъ. Но до сихъ поръ намъ еще ничего не извѣстно о мотивахъ, побуждающихъ насъ къ такому сгущенію содержанія.

V.

Въ сложныхъ и спутанныхъ сновидѣніяхъ, которыми мы теперь заняты, нельзя объяснять все несходство между содержаніемъ сна и скрытыми въ немъ мыслями только сгущеніемъ образовъ и драматизаціей. Имѣются доказательства вліянія еще и третьяго фактора, который заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія. Когда мнѣ удается путемъ анализа докопаться до скрытыхъ въ сновидѣніи мыслей, то я прежде всего замѣчаю, что явное содержаніе сна состоитъ совсѣмъ изъ другого матеріала, чѣмъ скрытое. Конечно, это—только внѣшняя разница, исчезающая при внимательномъ изслѣдованіи, ибо въ результатѣ все

содержаніе сна можно найти въ скрытыхъ мысляхъ, и почти всѣ эти мысли находятъ себѣ выраженіе въ содержаніи сна. Но изъ этой разницы все-таки кое-что остается еще послѣ анализа. То, что въ сновидѣніи выступало отчетливо на первый планъ, какъ существенное, должно послѣ анализа удовольствоваться весьма подчиненной ролью среди другихъ скрытыхъ за сновидѣніемъ мыслей; наоборотъ тѣ изъ послѣднихъ, которыя по свидѣтельству моихъ эмоцій имѣютъ право на самое большое вниманіе въ сновидѣніи, либо совсѣмъ отсутствуютъ, либо выражены отдаленными намеками въ неясныхъ частяхъ его. Это явленіе я могу описать еще слѣдующимъ образомъ: во время работы сна психическое напряженіе переходитъ отъ мыслей и представленій, которымъ оно принадлежитъ по праву, къ другимъ, не имѣющимъ, по моему мнѣнію, никакого права на такое подчеркиваніе; ни одинъ процессъ не помогаетъ такъ сильно, какъ этотъ, скрыть смыслъ сновидѣнія и сдѣлать непонятной связь между содержаніемъ сна и скрытыми за нимъ мыслями. Во время этого процесса, который я назову *вытѣсненіемъ сновидѣнія*, наблюдается также замѣна психическаго напряженія и относительной важности мыслей живостью образовъ. Наиболѣе ясное въ содержаніи сна кажется обыкновенно самымъ важнымъ, между тѣмъ какъ разъ въ неясной части сна часто можно обнаружить самую непосредственную связь съ наиболѣе существенной скрытой за сновидѣніемъ мыслью. То, что я назвалъ вытѣсненіемъ сновидѣнія, можно было-бы назвать также *переоцѣнкой психическихъ цѣнностей*. Для полной оцѣнки даннаго явленія необходимо еще указать на то, что эта работа вытѣсненія или переоцѣнки цѣнностей весьма

неодинакова въ различныхъ сновидѣніяхъ: бываютъ сновидѣнія, образовавшіяся почти безъ всякаго вытѣсненія и являющіяся въ то же время вполнѣ осмысленными и понятными, каковы, напр. незамаскированныя исполненія желаній во снѣ; въ другихъ сновидѣніяхъ, наоборотъ, ни одна изъ скрытыхъ мыслей не сохранила своей собственной психической цѣнности и все существенное скрытыхъ мыслей замѣщено второстепеннымъ.

Между этими двумя формами наблюдается цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ: чѣмъ темнѣе и спутаннѣе сновидѣніе, тѣмъ большее участіе въ его созданіи можно приписать процессу вытѣсненія. Избранный нами для анализа примѣръ обнаруживаетъ такое смѣщеніе, въ силу котораго содержаніе сна и скрытыхъ за нимъ мыслей концентрируется въ разныхъ пунктахъ: во снѣ на первый планъ выступаетъ ситуація, будто какая-то женщина дѣлаетъ мнѣ авансы; въ скрытыхъ же мысляхъ центръ тяжести покоится па желаніи отвѣдать разокъ безкорыстную любовь, «которая ничего не стоитъ»; послѣдняя мысль скрывается также за разговорами о красивыхъ глазахъ и отдаленнымъ намекомъ въ словѣ «шпинатъ».

Исправляя путемъ анализа произведенное во снѣ вытѣсненіе, мы приходимъ къ совершенно неоспоримымъ выводамъ относительно двухъ спорныхъ проблемъ сна, именно: относительно возбудителей сновидѣнія и связи послѣдняго съ психикой на-яву. Есть сновидѣнія, которыя сразу обнаруживаютъ свою связь съ дневными переживаніями; въ другихъ же нельзя отыскать этой связи. Однако анализъ доказываетъ, что каждый сонъ безъ исключенія связанъ съ какимъ-либо впечатлѣніемъ послѣднихъ дней или вѣрнѣе

послѣдняго дня передъ сновидѣніемъ. Впечатлѣніе, играющее роль возбудителя сновидѣнія, можетъ быть такъ значительно, что на-яву насъ не удивляетъ интересъ къ нему; въ этомъ случаѣ мы справедливо считаемъ сновидѣніе продолженіемъ важныхъ интересовъ дня. Но обыкновенно, если содержаніе сна имѣетъ какое-либо отношеніе къ дневному впечатлѣнію, послѣднее бываетъ такъ ничтожно и такъ легко забывается, что мы лишь съ трудомъ припоминаемъ его. Сновидѣніе, будучи даже связнымъ и понятнымъ, какъ будто интересуется самыми безразличными мелочами, которыя на-яву не могли-бы вызвать никакого интереса. Пренебреженіе къ сновидѣнію въ значительной степени объясняется тѣмъ, что сонъ оказываетъ такое предпочтеніе безразличному и неважному; но анализъ разрушаетъ внѣшнюю оболочку, на которую опирается эта низкая оцѣнка сновидѣнія. Тамъ, гдѣ сновидѣніе выставляетъ на первый планъ въ качествѣ возбудителя безразличное впечатлѣніе, анализъ обыкновенно обнаруживаетъ значительное и справедливо волнующее переживаніе, которое во снѣ входитъ въ обширныя ассоціативныя связи съ безразличнымъ переживаніемъ и замѣщается имъ. Тамъ, гдѣ сновидѣніе занято лишенными значенія и интереса представленіями, анализъ вскрываетъ многочисленныя связи, соединяющія это неважное съ весьма цѣннымъ. Когда мы въ содержаніи сна находимъ безразличное впечатлѣніе вмѣсто волнующаго и безразличный матеріалъ вмѣсто интереснаго, то это нужно разсматривать, какъ результатъ работы смѣщенія.

Придерживаясь теперь взглядовъ, выработанныхъ нами при замѣнѣ явнаго содержанія сна скрытымъ, нужно на вопросъ о возбудителяхъ сновидѣнія и о связи послѣдняго

съ повседневной жизнью отвѣтить слѣдующимъ образомъ: сновидѣніе никогда не интересуется тѣмъ, что не могло бы привлечь нашего вниманія днемъ, и мелочи, не волнующія насъ днемъ, не въ состояніи преслѣдовать насъ и во снѣ. Каковъ же возбудитель сновидѣнія въ избранномъ нами для анализа примѣрѣ? Это — незначительное переживаніе, заключавшееся въ томъ, что пріятель далъ мнѣ возможность проѣхаться даромъ въ каретѣ. Картина за табльдотомъ во снѣ содержитъ намекъ на этотъ незначительный фактъ, ибо въ разговорѣ съ пріятелемъ я привелъ карету съ таксометромъ въ параллель съ табльдотомъ.

Но я могу также указать и на важное переживаніе, которое замѣщено во снѣ этимъ незначительнымъ: нѣсколько дней передъ тѣмъ я истратилъ много денегъ на одного дорогого мнѣ члена моей семьи. И вотъ скрытыя за сновидѣніемъ мысли какъ-бы говорятъ: было-бы нисколько не удивительно, если бы то лицо отблагодарило меня—любовь его не была бы безплатной. Безплатная же любовь, повидимому, стоитъ среди моихъ скрытыхъ мыслей на первомъ планѣ. И то обстоятельство, что я съ указаннымъ родственникомъ незадолго передъ тѣмъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ каретѣ, приводитъ къ тому, что поѣздка съ моимъ пріятелемъ напоминаетъ мнѣ объ отношеніяхъ къ первому. Для того, чтобы какое-нибудь незначительное переживаніе могло сдѣлаться возбудителемъ сновидѣнія, необходимо еще одно условіе, не нужное для дѣйствительнаго источника сновидѣнія: это переживаніе должно быть всегда свѣжимъ, т. е. относиться ко дню передъ сновидѣніемъ.

Я не могу оставить вопроса о смѣщеніи сновидѣній, не упомянувъ еще объ одномъ удивительномъ явленіи, кото-

рое наблюдается при образованіи картинъ сновидѣнія подъ вліяніемъ сгущенія и смѣшенія образовъ. При разсмотрѣніи сгущенія мы уже имѣли возможность познакомиться съ такимъ случаемъ, когда два скрытыхъ за сновидѣніемъ представленія, имѣя что-либо общее между собой или какую-нибудь точку соприкосновенія, замѣщаются въ сновидѣніи смѣшаннымъ представленіемъ, въ которомъ ясное зерно соотвѣтствуетъ общимъ, а неясныя подробности — частнымъ чертамъ обоихъ представленій. Если къ этому сгущенію присоединяется еще и смѣщеніе, то образуется не смѣшанное представленіе, а среднее-общее, которое относится къ отдѣльнымъ элементамъ такъ, какъ въ параллелограммѣ силъ составляющія относятся къ равнодѣйствующей. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ моихъ сновидѣній идетъ рѣчь о впрыскиваніи пропилена. При анализѣ я прежде всего нахожу въ качествѣ возбудителя сновидѣнія незначительное переживаніе, въ которомъ нѣкоторую роль играетъ амиленъ (химическій препаратъ) Пока я еще не могу объяснить смѣшенія амилена съ пропиленомъ. Но къ кругу идей того же сновидѣнія относится еще воспоминаніе о первомъ посѣщеніи Мюнхена, гдѣ на меня произвели сильное впечатлѣніе Пропилеи. Дальнѣйшій анализъ позволяетъ высказать предположеніе, что вытѣсненіе амилена пропиленомъ было обусловлено вліяніемъ второго круга идей на первый. Пропиленъ является, такъ сказать, среднимъ представленіемъ между амиленомъ и Пропилеями, и слово это попадаетъ въ содержаніе сна въ качествѣ компромисса путемъ одновременнаго сгущенія и смѣщенія. При взглядѣ на эту работу смѣщенія чувствуется еще настоятельнѣе, чѣмъ при сгущеніи, потребность найти мотивы такой загадочной работы сна.

VI.

Если то обстоятельство, что мы въ содержаніи сна не находимъ или не узнаемъ скрытыхъ за нимъ мыслей и не догадываемся даже о причинахъ такого искаженія, обусловливается главнымъ образомъ работой смѣщенія, то другая болѣе легкая переработка скрытыхъ мыслей приводитъ насъ къ обнаруженію новой, но уже легко понятной дѣятельности сонной психики. Ближайшія скрытыя мысли, обнаруживаемыя путемъ анализа, часто поражаютъ насъ своей необычной внѣшностью: онѣ являются намъ не въ трезвыхъ словесныхъ формахъ, которыми наше мышленіе обыкновенно пользуется, а скорѣе выражаются символически, посредствомъ сравненій и метафоръ, какъ въ образномъ поэтическомъ языкѣ. Нетрудно найти причину такого рода условности при выраженіи скрытыхъ мыслей. Сновидѣніе большею частью состоитъ изъ зрительныхъ картинъ (ситуацій); поэтому скрытыя мысли должны прежде всего подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, чтобы сдѣлаться годными для такого способа выраженія. Если мы представимъ себѣ напр. задачу, заключающуюся въ томъ, чтобы замѣнить фразу изъ какой-нибудь руководящей политической статьи или изъ рѣчи въ судебномъ залѣ рядомъ картинныхъ изображеній, то мы легко поймемъ, какія измѣненія вынуждена производить сонная психика въ цѣляхъ картинности сновидѣнія.

Среди психическаго матеріала скрытыхъ мыслей обыкновенно встрѣчаются воспоминанія о глубокихъ пережива-

ніяхъ — нерѣдко изъ ранняго дѣтства — запечатлѣвшихся, какъ ситуаціи съ зрительнымъ содержаніемъ. Этотъ элементъ скрытыхъ мыслей, дѣйствуя какъ бы въ качествѣ кристаллизаціоннаго центра на концентрацію и распредѣленіе матеріала скрытыхъ мыслей, оказываетъ, гдѣ только возможно, опредѣляющее вліяніе на сформированіе сновидѣнія. Ситуація во снѣ является часто не чѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненнымъ и усложненнымъ повтореніемъ указаннаго глубокаго переживанія: сновидѣніе лишь очень рѣдко даетъ точную и безъ всякихъ примѣсей репродукцію дѣйствительныхъ сценъ. Но сновидѣніе не состоитъ исключительно изъ ситуацій, а содержитъ также отдѣльные клочки зрительныхъ образовъ, рѣчей и даже неизмѣненныхъ мыслей. Небезполезно, пожалуй, просмотрѣть теперь вкратцѣ изобразительныя средства, которыми располагаетъ сонная психика для своеобразнаго выраженія скрытыхъ мыслей. Обнаруживающіяся путемъ анализа скрытыя мысли представляютъ психическій комплексъ самаго запутаннаго строенія. Части его находятся въ самыхъ разнообразныхъ логическихъ отношеніяхъ другъ къ другу: онѣ могутъ стоять на первомъ и на послѣднемъ планѣ; могутъ быть условіями, отступленіями, поясненіями, доказательствами и возраженіями; почти всегда рядомъ съ однимъ направленіемъ мыслей находится противорѣчащее ему обратное теченіе. Этому матеріалу свойственны всѣ характерныя черты знакомаго намъ мышленія на-яву; но чтобы получить сновидѣніе изъ этого психическаго матеріала, необходимо подвергнуть его сгущающей прессовкѣ, внутреннему раздробленію, перемѣщенію и, наконецъ, избирательному воздѣйствію со стороны наиболѣе годныхъ для образованія ситуацій состав-

ныхъ частей. При такой переработкѣ психическій матеріалъ теряетъ, конечно, скрѣплявшія его логическія связи: сонная психика какъ бы беретъ на себя только обработку фактическаго содержанія скрытыхъ мыслей; такъ что при толкованіи сна необходимо возстановить связь, уничтоженную работой сна. Такимъ образомъ средства выраженія сонной психики можно назвать жалкими въ сравненіи со средствами нашего мышленія. Однако сновидѣніе вовсе не должно отказываться отъ передачи логическихъ отношеній между скрытыми мыслями: очень часто ему удается замѣнять эти отношенія характерными созданіями собственнаго творчества. Сновидѣніе прежде всего обнаруживаетъ непреложную связь между всѣми частями скрытыхъ мыслей тѣмъ, что соединяетъ весь этотъ матеріалъ въ одну ситуацію: оно выражаетъ логическую связь сближеніемъ во времени и пространствѣ, подобно художнику, соединяющему на картинѣ Парнаса всѣхъ поэтовъ, которые, конечно, никогда не находились вмѣстѣ на одной вершинѣ горы, но въ понятіи несомнѣнно образуютъ одну семью. Сонная психика примѣняетъ этотъ способъ выраженія и въ частностяхъ, такъ что, если въ сновидѣніи два элемента находятся рядомъ, это говоритъ за особенно тѣсную связь между скрытыми за ними мыслями. Здѣсь нужно еще замѣтить, что сновидѣнія одной ночи обнаруживаютъ при анализѣ свое происхожденіе отъ одного и того же круга идей.

Причинная зависимость въ сновидѣніи либо вовсе не выражается, либо замѣщается послѣдовательностью во времени двухъ неодинаково длинныхъ частей сновидѣнія. Часто это замѣщеніе бываетъ обратнымъ, т. е. начало

сновидѣнія соотвѣтствуетъ слѣдствію, а конецъ — предпосылкѣ. Прямое превращеніе во снѣ одного предмета въ другой указываетъ, повидимому, на отношеніе причины къ дѣйствію. Сновидѣніе никогда не выражаетъ альтернативу «или-или», а содержитъ оба члена ея, какъ равнозначущіе, въ одной и той же связи. И я уже упоминалъ, что при воспроизведеніи сновидѣнія альтернативу «или-или» нужно передавать словомъ «и». Противорѣчащія другъ другу представленія выражаются во снѣ преимущественно однимъ и тѣмъ же элементомъ. Слова «нѣтъ» повидимому не существуетъ для сновидѣнія. Противуположность между двумя мыслями и обратное отношеніе выражается во снѣ въ высокой степени странно, именно: одна часть сновидѣнія какъ бы послѣдовательно превращается въ свою противуположность. Ниже мы познакомимся еще съ другимъ способомъ выраженія противорѣчія.

Столь частое во снѣ ощущеніе затрудненнаго движенія выражаетъ противорѣчіе между импульсами, т. е. волевой конфликтъ. Весьма пригоднымъ для механизма созданія сновидѣній оказывается только одно логическое отношеніе — отношеніе подобія, общности, согласованія. Сонъ пользуется этими случаями какъ опорными пунктами для сгущенія сновидѣнія и соединяетъ въ одну новую единицу все, что обнаруживаетъ такое согласованіе.

Всѣхъ высказанныхъ нами замѣчаній, конечно, не достаточно для правильной оцѣнки всей суммы средствъ, которыми располагаетъ сонная психика для выраженія логическихъ отношеній между скрытыми за сновидѣніемъ мыслями. Въ этомъ отношеніи разныя сновидѣнія бываютъ обработаны болѣе тонко или болѣе небрежно: неодинаково

старательно придерживаются предлежащаго текста и неодинаково пользуются вспомогательными средствами сонной психики; въ иномъ случаѣ сновидѣнія кажутся темными, спутанными и безсвязными. Когда сонъ очевидно нелѣпъ и содержитъ очевидное противорѣчіе, это происходитъ преднамѣренно: своимъ съ виду небрежнымъ отношеніемъ ко всѣмъ логическимъ требованіямъ сновидѣніе указываетъ на какую-то скрытую мысль; нелѣпость въ сновидѣніи означаетъ противорѣчіе, насмѣшку и издѣвательство въ скрытой мысли.

Такъ какъ это объясненіе является самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ того пониманія сна, которое приписываетъ происхожденіе сновидѣнія диссоціированной и лишенной критики душевной дѣятельности, то я хочу подкрѣпить свое объясненіе примѣромъ. Мнѣ снится: «одинъ мой знакомый М. подвергся въ одной статьѣ нападкамъ со стороны не больше и не меньше, какъ самого Гёте; нападки эти по нашему общему мнѣнію были незаслуженны. М. былъ, конечно, уничтоженъ ими; онъ горько жалуется на это въ одномъ обществѣ за столомъ, но говоритъ, что его уваженіе къ Гёте отъ этого нисколько не пострадало. Я стараюсь затѣмъ нѣсколько выяснить себѣ обстоятельства времени, которыя кажутся мнѣ неправдоподобными: Гёте умеръ въ 1832 году—слѣдовательно, его нападки на М. должны были произойти раньше; М. долженъ былъ быть тогда совсѣмъ молодымъ человѣкомъ; мнѣ представляется вѣроятнымъ, что ему было 18 лѣтъ. Но я не знаю точно, какой у насъ теперь годъ, и такимъ образомъ все вычисленіе затемняется. Впрочемъ, эти нападки содержатся въ извѣстной статьѣ Гёте «Природа».

Безсмысленность этого сновидѣнія сдѣлается еще ярче, если я сообщу, что М. — молодой дѣлецъ, которому чужды всякіе поэтическіе и литературные интересы. Но приступивъ къ анализу этого сновидѣнія, я сумѣю доказать, что за этой безсмысленностью кроется опредѣленная система. Сновидѣніе черпаетъ свой матеріалъ изъ трехъ источниковъ:

1) М., съ которымъ я познакомился въ одномъ обществѣ за столомъ, обратился ко мнѣ однажды съ просьбой изслѣдовать его старшаго брата, обнаруживавшаго признаки душевнаго разстройства. При разговорѣ съ больнымъ случилась непріятная сцена, заключавшаяся въ томъ, что больной безъ всякаго повода сталъ нападать на брата и намекать на его юношескія похожденія. Я спросилъ больного о днѣ его рожденія (день смерти во снѣ) и заставилъ его производить различныя вычисленія, чтобы обнаружить у него ослабленіе памяти.

2) Одна медицинская газета, на обложкѣ которой стояло также и мое имя, помѣстила прямо-таки «уничтожающую» критику одного совсѣмъ молодого референта по поводу книги моего друга Ф. изъ Берлина. По этому поводу я говорилъ съ редакторомъ, который, правда, выразилъ свое сожалѣніе, но отказался помѣстить возраженіе. Послѣ этого я прекратилъ отношенія къ газетѣ и въ своемъ письменномъ отказѣ выразилъ редактору надежду, что наши личныя отношенія отъ этого случая не пострадаютъ. Данный случай собственно и является источникомъ сновидѣнія. Отрицательный пріемъ, оказанный работѣ моего друга, произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе: эта работа, по моему мнѣнію, содержала фундаментальное біологическое открытіе,

которое лишь теперь — спустя 4 года — начинаетъ оцѣниваться специалистами.

3) Одна больная разсказала мнѣ недавно исторію болѣзни своего брата, который впалъ въ помѣшательство съ крикомъ «природа, природа». Врачи думали, что восклицаніе это относится къ чтенію прекрасной статьи Гёте и что оно указываетъ на переутомленіе больного отъ занятій. Я сказалъ, что мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что восклицаніе «природа» нужно понимать въ томъ половомъ смыслѣ, который извѣстенъ и необразованнымъ. И тотъ фактъ, что несчастный больной впослѣдствіи изуродовалъ себѣ половые органы, во всякомъ случаѣ подкрѣпилъ мое предположеніе. Когда произошелъ первый припадокъ, этому больному было 18 лѣтъ.

Въ сновидѣніи прежде всего за моимъ «я» скрывается мой такъ плохо встрѣченный критикой другъ. «Я стараюсь нѣсколько выяснить себѣ обстоятельства времени». Книга моего друга посвящена именно изслѣдованію нѣкоторыхъ вопросовъ о длительности жизни; между прочимъ авторъ говоритъ также о продолжительности жизни Гёте, которая равна очень значительному въ біологіи числу дней. Однако мое «я» уподобляется затѣмъ паралитику («я не знаю точно, какой у насъ теперь годъ»). Такимъ образомъ сновидѣніе представляетъ моего друга паралитикомъ, изобилуя при этомъ нелѣпостями. Скрытыя же мысли гласятъ иронически: «Конечно онъ—сумасшедшій дуракъ, а вы—геніи и больше всѣхъ понимаете; а не вѣрнѣе ли будетъ обратное положеніе?» Эта фигура обратнаго отношенія широко использована во снѣ; такъ, напр. Гёте нападаетъ на молодого человѣка; это, конечно, нелѣпо, ибо въ наше время

всякій молодой человѣкъ легко можетъ критиковать великаго Гёте.

Я могъ-бы сказать, что каждое сновидѣніе исходитъ только изъ эгоистическихъ побужденій. Мое «я» во снѣ не только замѣщаетъ моего друга, но изображаетъ также и меня самого; я отожествляю себя съ нимъ: судьба его открытія представляется мнѣ образцомъ того, какъ будетъ принято мое собственное открытіе; когда я выступлю со своей теоріей, подчеркивающей въ этіологіи психо-неврозовъ вліяніе половой сферы (ср. намеки на больного съ возгласомъ «природа»), то меня ожидаетъ такая же критика, и я уже теперь такъ же смѣюсь надъ ней. Вскрывая далѣе свои скрытыя мысли, я постоянно нахожу насмѣшку и издѣвательство, какъ коррелатъ нелѣпостей въ сновидѣніи. Случайная находка въ Венеціи надтреснутаго черепа овцы, какъ извѣстно, навела Гёте на мысль о такъ наз. позвоночной теоріи черепа. Мой другъ хвалится, что, будучи студентомъ, онъ поднялъ цѣлую бурю для устраненія одного стараго профессора, который, имѣя въ прошломъ заслуги (между прочимъ и въ указанной выше области сравнительной анатоміи), сдѣлался затѣмъ вслѣдствіе старческаго слабоумія неспособнымъ къ преподаванію. Поднятая имъ (другомъ) агитація помогла бѣдѣ, создавшейся въ силу того, что въ нѣмецкихъ университетахъ не положенъ возрастный предѣлъ академическому преподаванію. Но старческій возрастъ не гарантируетъ отъ глупости. Нѣсколько лѣтъ я служилъ въ одной больницѣ при старшемъ врачѣ, который, будучи давно уже дряхлымъ и съ десятокъ лѣтъ завѣдомо слабоумнымъ, продолжалъ занимать свою отвѣтственную должность. Здѣсь мнѣ вспоминается находка Гёте въ Венеціи.

Молодые коллеги по больницѣ примѣнили какъ-то къ этому старику популярную въ то время пѣсенку: «Ни одинъ Гёте этого не воспѣлъ, ни одинъ Шиллеръ этого не описалъ и т. д.

VII.

Мы не закончили еще оцѣнки работы сонной психики. Кромѣ сгущенія, вытѣсненія и картинной переработки психическаго матеріала необходимо приписать сонной психикѣ еще другого рода функцію, замѣтную, впрочемъ, не во всѣхъ сновидѣніяхъ. Я не стану подробно описывать эту часть работы сна, но хочу лишь указать, что о ея сущности можно составить себѣ представленіе, если предположить — можетъ быть не совсѣмъ вѣрно — что сонная психика дѣйствуетъ иногда на сновидѣніе уже послѣ его образованія. Ея работа заключается въ томъ, чтобы расположить составные элементы сна въ такой порядокъ, при которомъ они находились бы между собой въ связи и сливались бы въ одно цѣльное сновидѣніе. Такимъ образомъ сновидѣніе пріобрѣтаетъ нѣчто въ родѣ фасада, который, конечно, не во всѣхъ пунктахъ прикрываетъ его содержаніе. Но такая обработка сновидѣнія становится возможной лишь благодаря тому, что сонная психика при этомъ ничѣмъ не смущается и вообще обнаруживаетъ рѣзкое непониманіе скрытыхъ мыслей; поэтому, когда мы приступаемъ къ анализу сновидѣнія, намъ прежде всего необходимо отбросить эту часть работы сна.

Въ этой части цѣль работы сонной психики становится особенно прозрачной: это—желаніе сдѣлать сонъ болѣе понятнымъ. Это обстоятельство указываетъ также и на характеръ такой переработки; послѣдняя относится къ соотвѣтственному сновидѣнію такъ же, какъ наша нормальная психика — къ содержанію любого воспріятія: она примѣняетъ къ нему извѣстныя готовыя представленія и уже при самомъ воспріятіи въ цѣляхъ понятности располагаетъ элементы послѣдняго въ опредѣленномъ порядкѣ; однако такая переработка рискуетъ исказить воспріятіе и, дѣйствительно, если не удается связать его съ чѣмъ-либо извѣстнымъ, она приводитъ къ самымъ страннымъ недоразумѣніямъ. Вѣдь извѣстно, что мы не въ состояніи смотрѣть на рядъ чуждыхъ намъ знаковъ или слушать незнакомыя слова безъ того, чтобы не видоизмѣнять ихъ съ цѣлью сдѣлать понятными и связать съ чѣмъ-либо знакомымъ для насъ.

Сновидѣнія, подвергшіяся такой обработкѣ со стороны сонной психики, можно назвать хорошо сочиненными. Въ другихъ сновидѣніяхъ эта дѣятельность сонной психики совершенно отсутствуетъ; въ нихъ даже не дѣлается попытки упорядочить и истолковать сонъ, такъ что по пробужденіи мы, не находя въ сновидѣніи опредѣленнаго порядка, говоримъ, что оно было «совершенно спутаннымъ». Однако сновидѣніе, представляющее безпорядочную кучу безсвязныхъ отрывковъ, имѣетъ для анализа такую-же цѣнность, какъ и сновидѣніе, хорошо сглаженное и снабженное поверхностью; въ первомъ случаѣ намъ не приходится тратить усилій на разрушеніе того, что создано послѣдней функціей работы сна.

Если твердо держаться того положенія, что «работа сна» обозначаетъ переработку скрытыхъ мыслей въ содержаніе сна, то нужно сказать, что работа сна вообще ничего не создаетъ, не проявляетъ своей собственной фантазіи, не разсуждаетъ, не умозаключаетъ и что вообще функціи ея заключаются только въ сгущеніи матеріала, перемѣщеніи его и картинной переработкѣ, къ которой присоединяется иногда еще послѣдній непостоянный элементъ — работа толкованія, т. е. связыванія. Въ содержаніи сна встрѣчаются, правда, и такіе элементы, которые можно было-бы принять за продуктъ высшей психической дѣятельности; но анализъ всегда обнаруживаетъ, что эти умственныя операціи имѣли мѣсто уже въ скрытыхъ мысляхъ, откуда сновидѣніе ихъ лишь заимствуетъ. Логическое заключеніе въ сновидѣніи есть не что иное, какъ повтореніе заключенія изъ скрытыхъ мыслей. Оно бываетъ неопровержимымъ, если переходитъ въ сновидѣніе безъ измѣненія; но оно становится безсмысленнымъ, если работа сна примѣняетъ его къ другому матеріалу.

Вычисленіе во снѣ указываетъ на таковое же въ скрытыхъ мысляхъ; но тогда какъ въ послѣднемъ случаѣ вычисленіе всегда правильно, во снѣ оно можетъ въ силу сгущенія элементовъ и примѣненія (смѣщенія) къ другому матеріалу дать самый нелѣпый результатъ. Даже встрѣчающіяся въ сновидѣніи рѣчи не сочинены вновь: онѣ оказываются составленными изъ отрывковъ рѣчей, произнесенныхъ или слышанныхъ раньше и воспроизведенныхъ теперь въ скрытыхъ мысляхъ; при этомъ, слова воспроизводятся самымъ точнымъ образомъ, поводъ же къ ихъ произнесенію игнорируется и смыслъ жестоко извращается.

Быть можетъ, не излишне подкрѣпить послѣднія указанія примѣрами.

1) Невинно звучащее и хорошо сочиненное сновидѣніе одной паціэнтки гласитъ:

Она идетъ на рынокъ со своей кухаркой, которая несетъ корзину. Мясникъ въ отвѣтъ на ея требованіе чего-то говоритъ: — «этого уже нѣтъ» и хочетъ дать ей что-нибудь другое съ замѣчаніемъ: «это тоже хорошо». Она отказывается и идетъ къ зеленщицѣ. Послѣдняя предлагаетъ ей пучокъ какой-то странной зелени чернаго цвѣта. Она говоритъ: «этого я не знаю и не возьму».

Слова: «этого уже нѣтъ» находятся въ связи съ исторіей ея лѣченія. Я самъ за нѣсколько дней до того объяснялъ паціэнткѣ, что воспоминанія ранняго дѣтства уже не существуютъ, какъ таковыя, а замѣняются метафорами и сновидѣніями; значитъ въ ея сновидѣніи въ качествѣ мясника фигурирую я. Другія слова: «этого я не знаю» были произнесены при совершенно другихъ условіяхъ. За день до сновидѣнія она крикнула своей кухаркѣ, которая, впрочемъ, тоже фигурируетъ въ сновидѣніи: «ведите себя прилично, этого я не признаю» (т. е. такого поведенія не признаю и не понимаю). Болѣе невинная часть этой фразы попала, въ силу смѣщенія, въ сновидѣніе; въ скрытыхъ же мысляхъ главную роль играла другая часть фразы; дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ работа сна измѣнила крайне наивно и до полной неузнаваемости созданную воображеніемъ больной ситуацію, гдѣ я веду себя въ нѣкоторомъ родѣ неприлично по отношенію къ ней. А эта воображаемая ситуація въ свою очередь является лишь

новымъ изданіемъ переживанія паціэнтки, имѣвшаго когда-то мѣсто въ дѣйствительности.

2) Вотъ другой какъ будто лишенный всякаго значенія сонъ, въ которомъ встрѣчаются числа. Г-жѣ А. снится, будто ей нужно уплатить за что-то; дочь ея беретъ у нея изъ кошелька 3 фл. 65 кр., но мать говоритъ ей: «что ты дѣлаешь? Это, вѣдь, стоитъ только 21 кр».

Сновидящая была иногородней; она помѣстила своего ребенка въ какое-то воспитательное заведеніе въ Вѣнѣ и могла продолжать лѣченіе у меня до тѣхъ поръ, пока въ Вѣнѣ оставалась ея дочь. Въ день передъ сновидѣніемъ завѣдующая заведеніемъ совѣтовала матери оставить ребенка еще на годъ; въ этомъ случаѣ она продлила бы и свое лѣченіе на годъ. Числа въ сновидѣніи пріобрѣтаютъ значеніе, если вспомнить, что «время — деньги». Одинъ годъ равенъ 365 днямъ, въ крейцерахъ—365 кр. или 3 фл. 65 кр.; 21 кр. соотвѣтствуютъ тремъ недѣлямъ, которыя оставались со дня сновидѣнія до конца ученія и, слѣдовательно, до конца лѣченія. Повидимому, именно денежныя соображенія заставили эту даму отклонить предложеніе завѣдующей и въ силу этихъ-же соображеній во снѣ фигурируетъ небольшая денежная сумма.

3) Молодая, но находящаяся уже нѣсколько лѣтъ въ замужествѣ дама узнаетъ, что ея знакомая сверстница Элиза Л., помолвлена. По этому поводу ей приснилось слѣдующее: она со своимъ мужемъ сидитъ въ театрѣ, и одна сторона партера совершенно не занята. Мужъ разсказываетъ ей, что Элиза Л. и женихъ ея также хотѣли пойти, но могли достать только плохія мѣста, три мѣста за 1 фл.

50 кр., а такихъ они не хотѣли взять. Она думаетъ, что въ этомъ не было бы бѣды.

Здѣсь насъ интересуетъ, какъ эти числа возникли изъ матеріала скрытыхъ мыслей и каково испытанное ими превращеніе. Откуда получились эти 1 фл. 50 кр.? По незначительному поводу предыдущаго дня: ея невѣстка получила въ подарокъ отъ своего мужа 150 фл. и поторопилась растратить ихъ, купивъ себѣ на эту сумму какое-то украшеніе. Замѣтимъ, что 150 фл. въ 100 разъ больше, чѣмъ 1 фл. 50 кр. Для цифры «три», относящейся къ театральнымъ билетамъ, имѣется лишь та связь, что невѣста Элиза Л. ровно на три мѣсяца моложе этой дамы (сновидящей). Ситуація въ сновидѣніи является воспроизведеніемъ небольшого случая, которымъ мужъ ее часто дразнилъ: она однажды очень торопилась достать заблаговременно билеты на одно представленіе; когда же она явилась въ театръ, одна сторона партера была почти не занята; ей, слѣдовательно, не зачѣмъ было такъ торопиться. Не оставимъ, наконецъ, безъ вниманія и ту нелѣпость въ сновидѣніи, что два лица хотятъ взять три билета въ театръ. Скрытыя мысли здѣсь таковы: «это, вѣдь, было безсмысленно выходить такъ рано замужъ; мнѣ не зачѣмъ было такъ торопиться. На примѣрѣ Элизы Л. я вижу, что всегда могла бы найти мужа и даже въ сто разъ лучшаго (мужъ, сокровище»—schatz), если бы только подождала. За свои деньги (приданое) я могла бы купить себѣ трехъ такихъ мужей».

VIII.

Познакомившись въ предыдущемъ изложеніи съ работой сна, читатель, пожалуй, будетъ склоненъ разсматривать ее, какъ совершенно особенный процессъ, не имѣющій, насколько извѣстно, подобнаго себѣ; на работу сна какъ-бы переходитъ то странное ощущеніе, которое обыкновенно вызывается у насъ продуктомъ этой работы, т. е. сновидѣніемъ. Но въ дѣйствительности работа сна впервые знакомитъ насъ лишь съ однимъ изъ цѣлаго ряда психическихъ процессовъ, на почвѣ которыхъ возникаютъ истерическіе симптомы, навязчивый страхъ, навязчивыя и бредовыя идеи. Сгущеніе и прежде всего смѣщеніе (вытѣсненіе) являются всегда характерными чертами также и для этихъ процессовъ; наоборотъ, картинная переработка остается своеобразной чертой работы сна. Если это объясненіе ставитъ сновидѣніе рядомъ съ созданіями больной психики, то тѣмъ важнѣе для насъ узнать существенныя условія возникновенія такихъ процессовъ, какъ сновидѣніе.

Читатель, вѣроятно, будетъ удивленъ, когда услышитъ, что къ этимъ обязательнымъ условіямъ не относятся ни сонное состояніе, ни болѣзнь; цѣлый рядъ явленій повседневной жизни здоровыхъ людей — забывчивость, обмолвки, промахи и извѣстный родъ заблужденій — обязанъ своимъ возникновеніемъ такому же психическому механизму, какъ и сновидѣніе. Среди отдѣльныхъ функцій работы сна болѣе всего поразительно смѣщеніе, являющееся центральнымъ пунктомъ всей проблемы. При изслѣдованіи вопроса мы

узнаемъ, что явленіе смѣщенія обусловливается чисто-психологическими моментами: оно является чѣмъ-то въ родѣ мотивировки.

Чтобы обнаружить послѣднюю, необходимо дать оцѣнку тѣмъ фактамъ, съ которыми мы неизбѣжно сталкиваемся при анализѣ сновидѣнія. Такъ при анализѣ перваго сновидѣнія я вынужденъ былъ прервать изложеніе скрытыхъ мыслей въ виду того, что среди нихъ, какъ я признался, были такія, которыя я по важнымъ соображеніямъ предпочитаю скрыть отъ постороннихъ. Къ этому я добавилъ, что, если вмѣсто даннаго сновидѣнія взять для анализа какое-нибудь другое, это дѣлу не поможетъ: въ каждомъ сновидѣніи съ темнымъ или спутаннымъ содержаніемъ я натолкнусь на скрытыя за нимъ мысли, требующія сохраненія тайны. Но если я продолжаю анализъ для себя самого и не принимаю во вниманіе другихъ, для которыхъ вѣдь и не предназначено такое личное переживаніе, какъ сновидѣніе, то я добираюсь, наконецъ, до такихъ мыслей, которыя ошеломляютъ меня, которыхъ я въ себѣ не зналъ и которыя мнѣ не только чужды, но и непріятны; я готовъ энергично оспаривать ихъ, но протекающая въ анализѣ ассоціація идей непредолимо навязываетъ мнѣ ихъ.

Это общее положеніе вещей я могу объяснить только тѣмъ, что мысли эти, дѣйствительно, содержались въ моей психикѣ и обладали извѣстной психической интенсивностью, но находились въ своеобразномъ психологическомъ состояніи, въ силу котораго не могли сдѣлаться сознательными. Я называю это особенное состояніе — состояніемъ вытѣсненія, оттѣсненнымъ состояніемъ. И я не могу не видѣть причинной связи между неясностью сновидѣнія и

оттѣсненнымъ состояніемъ нѣкоторыхъ скрытыхъ мыслей, т. е. неспособностью ихъ достигнуть сферы сознанія; а отсюда я заключаю, что сновидѣніе должно быть неяснымъ для того, чтобы не выдать запретныхъ скрытыхъ мыслей.

Такимъ образомъ я прихожу къ представленію объ искаженіи сновидѣнія, которое является продуктомъ работы сна и имѣетъ своею цѣлью замаскировать, т. е. скрыть что-нибудь. Я попытаюсь теперь на примѣрѣ избраннаго мною для анализа сновидѣнія спросить себя, какова же та скрытая мысль, которая проявилась въ этомъ сновидѣніи въ искаженномъ видѣ и которая, будучи не искажена, вызвала бы съ моей стороны самое рѣзкое возраженіе. Я вспоминаю, что даровая поѣздка въ каретѣ напомнила мнѣ о дорого обошедшихся мнѣ въ послѣднее время поѣздкахъ въ каретѣ съ однимъ членомъ моей семьи; далѣе, что толкованіе сновидѣнія привело меня къ мысли— «мнѣ хотѣлось бы испытать разокъ любовь, которая мнѣ ничего не стоитъ» —и, наконецъ, что я незадолго передъ сновидѣніемъ истратилъ на это самое лицо большую сумму денегъ. Въ этой связи я не могу отдѣлаться отъ мысли, что мнѣ жаль этихъ денегъ. И только, когда я признаюсь въ этомъ чувствѣ, пріобрѣтаетъ смыслъ то обстоятельство, что я во снѣ хочу любви, не требующей отъ меня никакихъ расходовъ. И все таки я въ правѣ искренно сказать себѣ, что при рѣшеніи затратить ту сумму, я не колебался ни одного мгновенія; сожалѣніе объ этомъ, т. е. обратное побужденіе, не достигло моего сознанія; по какимъ причинамъ не достигло, это во всякомъ случаѣ другой вопросъ, ведущій далеко въ сторону, и извѣстный мнѣ отвѣтъ на него принадлежитъ къ другой связи идей.

Подвергая анализу не свое собственное, а сновидѣніе другого лица, я приду къ тѣмъ же выводамъ, хотя соображенія, на которыхъ будутъ основываться мои выводы, будутъ иными. Если я имѣю дѣло со сновидѣніемъ здороваго человѣка, то у меня нѣтъ иного средства заставить его признать обнаруженныя и несознанныя имъ скрытыя мысли, какъ указать на общую связь всѣхъ скрытыхъ за сновидѣніемъ мыслей. Если же я имѣю дѣло съ нервно-больнымъ, напр., истерикомъ, то признаніе не сознанной (оттѣсненной) мысли является для него обязательнымъ въ виду связи этой послѣдней съ симптомами его болѣзни и въ виду улучшенія, наступающаго у него при замѣнѣ симптомовъ болѣзни несознанными мыслями. Напр., у больной, которой принадлежитъ послѣднее сновидѣніе съ тремя билетами за 1 фл. 50 кр., анализъ долженъ допустить, что она не цѣнитъ своего мужа, сожалѣетъ о бракѣ съ нимъ и охотно замѣнила бы его другимъ; она, конечно, утверждаетъ, что любитъ его и что ея сознаніе ничего не знаетъ объ этой низкой оцѣнкѣ мужа (въ 100 разъ лучшаго!); но всѣ симптомы ея болѣзни приводятъ къ такому же заключенію, какъ и это сновидѣніе. И послѣ того, какъ у больной были разбужены оттѣсненныя воспоминанія о томъ времени, когда она сознательно не любила своего мужа, болѣзненные симптомы исчезли, а съ ними исчезло и ея сопротивленіе противъ вышеупомянутаго толкованія сновидѣнія.

IX.

Установивъ понятіе объ оттѣсненіи и приведя фактъ искаженія сновидѣнія въ связь съ оттѣсненнымъ психическимъ матеріаломъ, мы въ состояніи указать въ общихъ чертахъ на полученные изъ анализа сновидѣній главные результаты. Относительно понятныхъ и осмысленныхъ сновидѣній мы узнали, что они являются незамаскированными исполненіями желаній, т. е., что ситуація во снѣ представляетъ исполненнымъ какое-нибудь вполнѣ заслуживающее вниманія желаніе, знакомое сознанію и оставшееся не выполненнымъ на-яву. Въ неясныхъ и спутанныхъ сновидѣніяхъ анализъ обнаруживаетъ нѣчто вполнѣ аналогичное: ситуація во снѣ опять изображаетъ исполненнымъ какое-нибудь желаніе, выплывающее всегда изъ скрытыхъ мыслей; но представлено оно въ неузнаваемомъ видѣ, такъ что только анализъ въ состояніи вскрыть его. При этомъ желаніе либо само оттѣснено и чуждо сознанію, либо самымъ тѣснымъ образомъ связано съ оттѣсненными мыслями и выражается ими. Итакъ, формула этихъ сновидѣній такова: *они суть замаскированныя исполненія оттѣсненныхъ желаній*. Любопытно отмѣтить по этому поводу справедливость народнаго воззрѣнія, разсматривающаго сновидѣніе, какъ предсказаніе будущаго. Въ дѣйствительности во снѣ проявляется не то будущее, которое наступитъ, а то, наступленія котораго мы желали бы; народный духъ и здѣсь поступаетъ такъ, какъ онъ привыкъ

поступать въ другихъ случаяхъ: онъ вѣритъ въ то, чего желаетъ.

Съ точки зрѣнія исполненія желаній сновидѣнія бываютъ трехъ родовъ. Во-первыхъ сновидѣнія, представляющія неоттѣсненное желаніе въ незамаскированномъ видѣ; таковы — сновидѣнія дѣтскаго типа, рѣже встрѣчающіяся у взрослыхъ. Во-вторыхъ—сновидѣнія, выражающія оттѣсненныя желанія въ замаскированномъ видѣ: таково, пожалуй, огромное большинство всѣхъ нашихъ сновидѣній, для пониманія которыхъ необходимъ анализъ. Въ-третьихъ — сновидѣнія, выражающія оттѣсненныя желанія, но безъ или съ недостаточной маскировкой ихъ. Эти сновидѣнія постоянно сопровождаются страхомъ, прерывающимъ сонъ; страхъ выступаетъ здѣсь въ замѣнъ искаженія сновидѣнія; въ сновидѣніяхъ же второй категоріи страхъ устраняется работой сна. Можно безъ особыхъ затрудненій доказать, что представленіе, вызывающее теперь у насъ во снѣ страхъ, было когда-то нашимъ желаніемъ, а затѣмъ было оттѣснено. Существуютъ также ясныя сновидѣнія съ страшнымъ содержаніемъ, которыя, однако, не вызываютъ страха во снѣ; поэтому ихъ не слѣдуетъ причислять къ сновидѣніямъ третьей категоріи.

Такія сновидѣнія служили всегда доказательствомъ того мнѣнія, что сновидѣнія лишены всякаго значенія и психической цѣнности. Однако анализъ одного примѣра покажетъ, что въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ хорошо замаскированными исполненіями оттѣсненныхъ желаній, т. е. со сновидѣніями второй категоріи; этотъ же примѣръ можетъ служить прекрасной иллюстраціей пригодности работы смѣщенія для маскированія желаній. Дѣвушка во снѣ видитъ

единственнаго ребенка своей сестры мертвымъ при той же обстановкѣ, при которой она нѣсколько лѣтъ назадъ видѣла мертвымъ перваго ребенка. При этомъ дѣвушка не испытываетъ никакой жалости, но, конечно, протестуетъ противъ того пониманія, будто смерть ребенка соотвѣтствуетъ ея желанію. Этого и не требуется.

Дѣло въ томъ, что у гроба перваго ребенка сестры она въ послѣдній разъ видѣла и говорила съ любимымъ человѣкомъ; если бы умеръ второй ребенокъ, то, вѣроятно, она опять встрѣтилась бы въ домѣ сестры съ этимъ человѣкомъ. И вотъ, она жаждетъ этой встрѣчи, но протестуетъ противъ такого желанія. Въ самый день сновидѣнія она взяла билетъ на лекцію, объявленную все еще любимымъ ею человѣкомъ; ея сновидѣніе есть просто сонъ нетерпѣнія, какъ это обыкновенно бываетъ передъ путешествіемъ, посѣщеніемъ театра и другими ожидаемыми удовольствіями; чтобы скрыть это стремленіе, ситуація примѣнена къ случаю, который менѣе всего подходитъ для радостныхъ чувствъ, но который все-таки оказалъ ей однажды услугу. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то обстоятельство, что эмоціи во снѣ соотвѣтствуютъ не подстановленному содержанію сна, а дѣйствительному, хотя и скрытому; ситуація во снѣ предвосхищаетъ давно желанное свиданіе и не даетъ никакого повода для тяжелыхъ чувствъ.

X.

Такъ какъ философамъ до сихъ поръ не приходилось еще заниматься вопросомъ о психологіи оттѣсненія, то позволительно въ связи съ неизвѣстной сущностью этого явленія составить себѣ наглядное представленіе о процессѣ образованія сна. Несмотря на сложность принятой нами схемы, мы все-таки не можемъ удовлетвориться болѣе простой схемой. По нашему мнѣнію, въ душевномъ аппаратѣ человѣка имѣются двѣ мысле-образующія инстанціи, изъ которыхъ вторая обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что ея продукты находятъ доступъ въ сферу сознанія; дѣятельность же первой инстанціи безсознательна и достигаетъ сознанія только черезъ посредство второй. На границѣ обѣихъ инстанцій, на мѣстѣ перехода отъ первой ко второй, находится цензура, которая пропускаетъ лишь угодное ей, а остальное задерживаетъ.

И вотъ то, что отклонено цензурой, находится по нашему опредѣленію въ состояніи оттѣсненія. При извѣстныхъ условіяхъ, однимъ изъ которыхъ является сонъ, отношеніе силъ между обѣими инстанціями измѣняется такимъ образомъ, что оттѣсненное не можетъ уже быть вполнѣ задержано; во снѣ это происходитъ какъ бы вслѣдствіе ослабленія цензуры, въ силу котораго оттѣсненное пріобрѣтаетъ возможность проложить себѣ дорогу въ сферу сознанія. Но такъ какъ цензура при этомъ никогда не упраздняется, а лишь ослабляется, то она довольствуется такими измѣненіями сновидѣнія, которыя смягчаютъ непріятныя ей

обстоятельства; то, что въ такомъ случаѣ становится объектомъ сознанія, есть компромиссъ между намѣреніями одной инстанціи и требованіями другой. Оттѣсненіе, ослабленіе цензуры, образованіе компромисса — такова основная схема возникновенія какъ сновидѣнія, такъ и всякихъ психопатическихъ представленій; при образованіи компромисса какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ наблюдаются явленія сгущенія и смѣщенія и возникаютъ поверхностныя ассоціаціи, знакомыя уже намъ по работѣ сна.

Нѣтъ нужды скрывать, что извѣстную роль въ созданномъ нами объясненіи сыгралъ элементъ демонизма при работѣ сна. У насъ дѣйствительно получилось такое впечатлѣніе, что образованіе неясныхъ сновидѣній происходитъ такъ, какъ будто одно лицо, находящееся въ зависимости отъ другого желаетъ сказать то, что послѣднему непріятно слушать; путемъ такого уподобленія мы создали понятіе объ искаженіи сновидѣнія и о цензурѣ и затѣмъ постарались перевести свое впечатлѣніе на языкъ нѣсколько грубой, но за то наглядной психологической теоріи. Къ чему бы ни свелись наши первая и вторая инстанціи при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, мы все-же ждемъ подтвержденія нашего предположенія, что вторая инстанція распоряжается доступомъ къ сознанію и можетъ не допустить къ нему первую инстанцію.

По пробужденіи цензура быстро возстановляетъ свою прежнюю силу и тогда можетъ отобрать все, что было завоевано у нея въ періодъ ея слабости. Что забываніе сновидѣнія — по крайней мѣрѣ отчасти — требуетъ именно такого объясненія, это явствуетъ изъ опыта, подтвержденнаго безчисленное количество разъ. При пересказѣ сновидѣ-

нія или при анализѣ его нерѣдко случается, что отрывокъ, считавшійся забытымъ, вдругъ вновь выплываетъ въ памяти; этотъ извлеченный изъ забвенья отрывокъ даетъ обыкновенно наилучшій и ближайшій путь къ истолкованію сновидѣнія; вѣроятно, въ силу этого обстоятельства данный отрывокъ и былъ подавленъ, т. е. забытъ.

XI.

Истолковавъ сновидѣніе какъ образное исполненіе желанія и объяснивъ неясность его цензурными измѣненіями въ оттѣсненномъ матеріалѣ, намъ уже не трудно сдѣлать выводъ о функціи сновидѣнія. Въ противуположность обычнымъ разговорамъ о томъ, что сновидѣнія мѣшаютъ спать, мы должны считать сновидѣніе хранителемъ сна. По отношенію къ дѣтскому сну это утвержденіе, пожалуй, не встрѣтитъ возраженій. Наступленіе сна или соотвѣтственнаго измѣненія психики, въ чемъ бы оно ни состояло, обусловливается рѣшеніемъ уснуть, которое навязывается ребенку или принимается имъ добровольно вслѣдствіе усталости; при этомъ, сонъ наступаетъ лишь при устраненіи внѣшнихъ раздраженій, могущихъ поставить передъ психикой вмѣсто сна иныя задачи.

Намъ извѣстно, какія средства служатъ для устраненія внѣшнихъ раздраженій; но необходимо указать также на средства, которыми мы располагаемъ для подавленія раздраженій внутреннихъ (душевныхъ), также мѣшающихъ

намъ уснуть. Возьмемъ мать, усыпляющую своего ребенка; послѣдній безпрестанно выражаетъ какое-нибудь желаніе: ему хочется еще разъ поцѣловаться, онъ хочетъ еще играть; желанія эти частью удовлетворяются, частью авторитетно откладываются на слѣдующій день; ясно, что возникающія желанія и потребности мѣшаютъ уснуть. Кому не знакома забавная исторія о скверномъ мальчуганѣ, который, проснувшись ночью, оретъ на всю спальню: «хочу носорога?» Спокойный ребенокъ вмѣсто того, чтобы орать, видѣлъ бы во снѣ, будто онъ играетъ съ носорогомъ. Такъ какъ сновидѣніе, представляющее желаніе исполненнымъ, принимается довѣрчиво, то оно такимъ образомъ устраняетъ желаніе, и продолженіе сна становится возможнымъ.

Нельзя не признать, что сновидѣніе принимается довѣрчиво потому, что является намъ въ видѣ зрительнаго воспріятія; ребенокъ-же не обладаетъ еще способностью, развивающеюся позднѣе, отличать галлюцинацію или фантазію отъ дѣйствительности. Взрослый человѣкъ умѣетъ различать это; онъ понимаетъ также безполезность хотѣнія и путемъ продолжительнаго упражненія научается откладывать свои желанія до того момента, когда они вслѣдствіе измѣненія внѣшнихъ условій смогутъ быть удовлетворены окольнымъ путемъ. Соотвѣтственно этому у взрослаго во снѣ рѣдко встрѣчается исполненіе желаній прямымъ психическимъ путемъ; возможно даже, что оно вообще не встрѣчается; а сонъ, который кажется намъ созданнымъ по образцу дѣтскаго сновидѣнія, требуетъ гораздо болѣе сложнаго объясненія.

Зато у взрослаго человѣка — и, пожалуй, у всѣхъ безъ исключенія людей съ нормальнымъ разсудкомъ — разви-

вается дифференціація психическаго матеріала, отсутствующая у ребенка: появляется психическая инстанція, которая, будучи научена жизненнымъ опытомъ, строго господствуетъ надъ душевными движеніями, оказывая на нихъ задерживающее вліяніе и обладая по отношенію къ сознанію и произвольнымъ движеніямъ наиболѣе сильными психическими средствами. При этомъ часть дѣтскихъ эмоцій, какъ безполезная въ жизни, подавляется новой инстанціей, такъ что всѣ вытекающія изъ этихъ эмоцій мысли находятся въ состояніи оттѣсненія. Когда же эта инстанція, въ которой мы узнаемъ свое нормальное «я», принимаетъ рѣшеніе уснуть, то въ силу психо-физіологическихъ условій сна она, повидимому, бываетъ вынуждена ослабить энергію, съ которой обыкновенно задерживаетъ днемъ оттѣсненныя мысли.

Это ослабленіе само по-себѣ незначительно: хотя въ подавленной душѣ и тѣснятся эмоціи, онѣ въ силу соннаго состоянія все-таки съ трудомъ находятъ себѣ дорогу къ сознанію и совсѣмъ не находятъ ея къ двигательной сферѣ. Однако, опасность, угрожающая съ этой стороны спокойному продолженію сна, должна быть устранена. По этому поводу необходимо указать, что даже въ глубокомъ снѣ извѣстное количество свободнаго вниманія должно быть обращено на тѣ возбужденія, въ виду которыхъ пробужденіе представляется болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ продолженіе сна. Иначе нельзя было-бы объяснить того обстоятельства, что насъ всегда можно разбудить раздраженіями опредѣленнаго качества, какъ на это указывалъ уже старый физіологъ Бурдахъ; напр., мать просыпается отъ плача своего ребенка, мельникъ — отъ остановки своей

мельницы, большинство людей — отъ тихаго обращенія къ нимъ по имени.

Вотъ это бодрствующее во снѣ вниманіе обращено также и на внутреннія возбужденія, исходящія отъ оттѣсненныхъ желаній, и образуетъ вмѣстѣ съ ними сновидѣніе, удовлетворяющее въ качествѣ компромисса одновременно обѣ инстанціи. Это сновидѣніе, изображая подавленное или оттѣсненное желаніе исполненнымъ, какъ бы психически исчерпываетъ его; въ то же время, дѣлая возможнымъ продолженіе сна, оно удовлетворяетъ и другую инстанцію. Наше «я» охотно ведетъ себя при этомъ, какъ дитя; оно вѣритъ сновидѣнію, какъ бы говоря: «да, да, ты — правъ, но дай мнѣ спать».

То обстоятельство, что мы по пробужденіи такъ низко цѣнимъ сновидѣніе, въ виду спутанности и кажущейся нелогичности его, обусловливается вѣроятно также и тѣмъ, что аналогичную оцѣнку даетъ нашимъ возникающимъ изъ оттѣсненныхъ мыслей эмоціямъ спящее «я», которое въ своей оцѣнкѣ опирается на моторное безсиліе сонныхъ эмоцій. Мы даже во снѣ сознаемъ иногда эту низкую оцѣнку, именно: когда сонъ по своему содержанію слишкомъ ужъ выходитъ за предѣлы цензуры, мы думаемъ «это вѣдь только сонъ» — и продолжаемъ спать.

Противъ такого пониманія не можетъ служить возраженіемъ то обстоятельство, что и по отношенію къ сновидѣнію существуютъ предѣльные случаи, когда оно не въ состояніи уже исполнять своей функціи — охрану сна и, какъ это бываетъ при страшныхъ сновидѣніяхъ, беретъ на себя другую функцію — своевременно прервать сонъ. Сновидѣніе поступаетъ при этомъ подобно добросовѣстному

сторожу, который сначала исполняетъ свою обязанность, устраняя всякій шумъ, могущій разбудить гражданъ; когда же причина шума представляется ему важной и самъ онъ не въ силахъ справиться съ нею, тогда онъ видитъ свою обязанность въ томъ, чтобы самому разбудить гражданъ.

Эта функція сновидѣнія становится особенно очевидной въ тѣхъ случаяхъ, когда до спящаго субъекта доходятъ какія-либо внѣшнія раздраженія. То обстоятельство, что раздраженія внѣшнихъ органовъ чувствъ во время сна оказываютъ вліяніе на содержаніе сновидѣнія, всѣмъ давно извѣстно, можетъ быть доказано экспериментально и является мало пригоднымъ, но слишкомъ высоко оцѣненнымъ результатомъ врачебныхъ наблюденій надъ сновидѣніемъ. Но съ этимъ фактомъ связана другая неразрѣшимая до сихъ поръ загадка: внѣшнее раздраженіе, дѣйствуя при экспериментѣ на спящаго, появляется въ сновидѣніи не въ своемъ настоящемъ видѣ, а подвергается одному изъ многочисленныхъ толкованій, выборъ между которыми предоставленъ, повидимому, произволу психики.

Психическаго произвола, конечно, не существуетъ; спящій можетъ реагировать различнымъ образомъ: онъ либо просыпается, либо ему удается продолжать сонъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться сновидѣніемъ, чтобы устранить внѣшнее раздраженіе, и притомъ опять-таки различнымъ образомъ: онъ можетъ, напр., устранить раздраженіе, видя во снѣ такую ситуацію, которая совершенно не вяжется съ даннымъ раздраженіемъ. Такъ, напр., одному господину съ болѣзненнымъ абсцессомъ въ промежности снилось, будто онъ ѣдетъ верхомъ на лошади; при чемъ согрѣвающій компрессъ, который долженъ былъ смяг-

чить боль, принятъ былъ имъ во снѣ за сѣдло; такимъ образомъ онъ справился съ мѣшавшимъ ему спать раздраженіемъ.

Чаще же бываетъ такъ, что внѣшнее раздраженіе подвергается толкованію, въ силу котораго оно входитъ въ связь съ оттѣсненнымъ и ждущимъ своего исполненія желаніемъ, теряетъ поэтому свой реальный характеръ и разсматривается какъ часть психическаго матеріала. Такъ, напр., одному лицу снится, что онъ написалъ комедію, воплощающую извѣстную идею; комедія ставится въ театрѣ; прошелъ первый актъ, встрѣченный бурными одобреніями; страшно аплодируютъ... Сновидящему здѣсь удалось продолжить сонъ, несмотря на шумъ: по пробужденіи онъ не слыхалъ уже шума, но справедливо рѣшилъ, что должно быть гдѣ-то вблизи выбивали коверъ или постель. Сновидѣніе, возникающее непосредственно передъ пробужденіемъ отъ сильнаго шума, всегда представляетъ собой попытку посредствомъ толкованія отдѣлаться отъ мѣшающаго спать раздраженія и такимъ образомъ продлить сонъ еще на нѣкоторое время.

XII.

Я не утверждаю, что освѣтилъ здѣсь всѣ проблемы сновидѣнія или исчерпалъ всѣ убѣдительные доводы въ пользу затронутыхъ мною вопросовъ. Кто интересуется всей литературой о сновидѣніи, пусть обратится къ книгѣ

Sante de Sanctis'a о сновидѣніи; а кто желаетъ познакомиться съ болѣе подробнымъ обоснованіемъ высказанныхъ здѣсь мною взглядовъ, пусть прочтетъ мою работу: «Толкованіе сновидѣнія».

Здѣсь я укажу еще лишь на то, въ какомъ направленіи должна продолжаться разработка моихъ взглядовъ на сущность работы сна. Если задачей толкованія сна я считаю замѣну сновидѣнія скрытыми въ немъ мыслями, т. е. распутываніе того, что соткано работой сна, то съ одной стороны я выставляю рядъ новыхъ психологическихъ задачъ, касающихся какъ механизма работы сна, такъ и сущности и условій возникновенія такъ наз. оттѣсненія; съ другой стороны, я признаю существованіе скрытыхъ мыслей, какъ психическаго матеріала высшаго порядка, обладающаго всѣми признаками высшей умственной дѣятельности, но не проникающаго въ сферу сознанія до тѣхъ поръ, пока сновидѣніе не исказитъ его. Я вынужденъ предполагать существованіе такихъ скрытыхъ мыслей у каждаго человѣка, ибо почти всѣ люди — даже самые нормальные — способны видѣть сны. Съ вопросомъ о безсознательности скрытыхъ мыслей и объ отношеніи ихъ къ сознанію и къ оттѣсненію связаны другіе важные для психологіи вопросы; но рѣшеніе послѣднихъ должно быть отложено до того времени, когда удастся путемъ анализа выяснить происхожденіе другихъ созданій больной психики, именно: истерическихъ симптомовъ и навязчивыхъ идей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1р

ВОПРОСЫ
ПСИХОЛОГІИ БЕЗСОЗНАТЕЛЬНАГО

Подъ ред. д-ра Н. КОТИКА.

Цѣна 40 коп.

Складъ изд.: книжный магазинъ Т-ва Н. П. Карбасникова,

Москва, Петербургъ, Варшава.